

Проверено 1984 г.

-- МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПбГУ

СУДЕБНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ

«СУДЕБНОМУ ВЪСТНИКУ».

№ 2—3. ФЕВРАЛЬ—МАРТЪ 1869.

СОДЕРЖАНІЕ:

- 1) Процессъ Лезюрка. (л. 1—5).
- 2) Русское уголовное судопроизводство по Суд. Уст. 20 ноября 1864 г. (л. 6—10). . . . . А. Чебышева-Дмитріева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Н. Михайлова. (Литейная, д. № 42).
1869.

CAUTION

REPRODUCTION

PROHIBITED

ALL RIGHTS RESERVED

1967

Докладъ.

Эли началъ свой докладъ съ изложенія существа прошенія Виргиніи Лезюркъ, которая домогалась пересмотра дѣла въ виду противорѣчія между приговоромъ сенскаго суда отъ 18 термидора IV года (5 августа 1796 г.), которымъ Жозефъ Лезюркъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и ограбленіи, и приговоромъ версальскаго уголовного суда отъ 1 нивоза IX года (22 декабря 1800 г.), которымъ Дюбоскъ былъ осужденъ за то же преступленіе.

«Прежде всего является вопросъ о томъ подлежитъ-ли просьба Виргиніи Лезюркъ разсмотрѣнію послѣ столькихъ лѣтъ? Да. Статья 2 закона 29 іюля 1867 года говоритъ: «Во всѣхъ случаяхъ, если приговоръ, подлежащій пересмотру въ предѣлахъ 2 и 3 §§. ст. 443, состоялся до изданія настоящаго закона, то двухлѣтній срокъ, установленный въ ст. 444 для прошеній о возобновленіи дѣла, считается со дня обнаруженія этого закона». Слѣд., когда бы ни состоялся приговоръ, онъ можетъ подлежать пересмотру, лишь бы просьба была подана въ установленный закономъ срокъ. Затѣмъ спрашивается: удовлетворяетъ-ли прошеніе Виргиніи Лезюркъ требуемымъ въ законѣ условіямъ? Отвѣтъ опять долженъ быть утвердительный. Прошеніе подано дочерью осужденнаго, а ст. 444 говоритъ, что «право требовать возобновленія дѣла по смерти осужденнаго принадлежитъ его дѣтямъ». Наконецъ, спрашивается: основывается-ли прошеніе на одномъ изъ трехъ случаевъ, въ которыхъ законъ допускаетъ пересмотръ? И на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно. Прошеніе опирается на 443 ст., которая допускаетъ возобновленіе дѣла въ томъ случаѣ, когда два обвиняющіе приговора, постановленные по одному и тому же дѣлу, несогласны между собою, и такое несогласное ихъ противорѣчіе одного другому служитъ доказательствомъ невиновности котораго нибудь изъ двухъ осужденныхъ. Прошеніе же Виргиніи Лезюркъ говоритъ, что приговоръ 18 термидора IV года по дѣлу Лезюрка несогласенъ съ рѣшеніемъ 1 нивоза IX года по дѣлу Дюбоска.

«Такимъ образомъ, прошеніе Виргиніи Лезюркъ, удовлетворяя всѣмъ законнымъ условіямъ, подлежитъ разсмотрѣнію кассационнаго суда. Кассационному суду предстоитъ войти въ разсмотрѣніе всѣхъ мельчайшихъ подробностей дѣла. Мы полагали было изложить ихъ сокращенно, но нашли это невозможнымъ.

«Въ настоящемъ случаѣ кассационный судъ разсматриваетъ не

правовые вопросы, а долженъ обсудить дѣло по существу. Это обязываетъ меня представить не только всѣ обстоятельства этого дѣла, но подробно прослѣдить всѣ доказательства, всѣ свидѣтельскія показанія, всѣ мельчайшія подробности, раскрытыя въ актахъ слѣдствія. Я не рѣшился ограничиться краткимъ обзоромъ этого дѣла, такъ какъ при этомъ легко выпустить то, что для меня покажется излишнимъ, и что для васъ можетъ быть крайне существеннымъ

«Итакъ, приступимъ къ изложенію дѣла.

«8-го флореала IV года (27 апрѣля 1796) почта, выѣхавшая въ половинѣ шестаго вечера, была остановлена и ограблена въ 8—9 часовъ на дорогѣ между Льерсеномъ и Мелуномъ; курьеръ Екскофонъ и почтальонъ Одеберъ убиты, а деньги и денежные бумаги, находившіяся въ почтовомъ тюбѣ—похищены.

«Извѣстіе объ этомъ ужасномъ преступленіи быстро разнеслось повсюду. На другой же день, въ 6 ч. утра, мировой судья Мелунской общины былъ уже на мѣстѣ преступленія. Изъ его протокола осмотра между прочимъ открывается, что вблизи отъ мѣста совершенія преступления были найдены: дорожный плащъ, окровавленная шнага съ девизами: на одной сторонѣ клинка—«Честь меня ведетъ» и на другой—«За спасеніе отечества», ножны кинжала и посеребренные шпory. Въ протоколѣ, въ заключеніе, высказано предположеніе, что однимъ изъ виновниковъ былъ пассажиръ, который не розыскавъ, въ соучастіи съ четырьмя неизвѣстными всадниками, которые, согласно показаніямъ, ѣздили по дорогѣ и возбудили противъ себя подозрѣніе. Пассажиръ этотъ, вѣроятно, взялъ лошадь почтальона и уѣхалъ на ней съ своими сообщниками.

«Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ дознано, что на Мелунской дорогѣ, между Шарантономъ и Монжерономъ, около часа пополудни, были замѣчены четверо всадниковъ, ѣхавшихъ по направленію въ Мелунъ. Въ Монжеронѣ они остановились обѣдать въ гостинницѣ Эврарда, оттуда отправились пить кофе и играть на билліардѣ въ кофейную Шателенъ и затѣмъ поѣхали по дорогѣ въ Мелунъ. Приѣхавъ въ Льерсенъ, они зашли въ трактиръ Шампо, гдѣ выпили нѣсколько бутылокъ вина и отправились около 8 ч. далѣе по дорогѣ въ Мелунъ. Дознаніемъ открыто, что курьеръ Экскофонъ, прибывъ въ Льерсенъ для сдачи депешъ, сказалъ: «я ѣхалъ съ совершенно незнакомымъ путешественникомъ, который не за-

платить мнѣ за дорогу.» Наконецъ, офицеръ Леонардъ Соренъ и караульный Дегуа, дежурившіе въ тотъ день на вилльневской гауптвахтѣ, показали, что они видѣли около часа пополудни пятерыхъ всадниковъ по дорогѣ изъ Парижа; а смотритель заставы въ Шарантонѣ Фаньеръ показалъ, что пятеро всадниковъ проѣзжали заставу около пяти часовъ и направлялись къ Парижу.

Эти показанія послужили точкою отправленія для полицейскихъ розысковъ. Дознано, что неизвѣстный пассажиръ называлъ себя Лабордомъ, что, кромѣ шпаги, у него оружія не было, что найденный плащъ принадлежалъ ему. На одной изъ площадей Парижа найдена лошадь почталона, на которой, вѣроятно, возвратился въ Парижъ пассажиръ Лабордъ, а остальные четыре лошади оказались въ гостинницѣ Мирона. Одинъ изъ служителей этой гостинницы Гюдри показалъ, что 9-го числа того мѣсяца, около 4-хъ часовъ утра, явился къ нему въ гостинницу нѣкто Этьенъ, котораго онъ знаетъ около 8 мѣсяцевъ, съ другимъ неизвѣстнымъ ему лицомъ и, передавъ хозяину четырехъ осѣданныхъ лошадей, просилъ оставить ихъ до 7 часовъ, говоря, что они сами зайдутъ за ними и что во всякомъ случаѣ лошадей можно отдать только тому, кто явится съ запискою отъ Этьена. Ровно въ 7 часовъ они пришли за лошадьми.

Дознано было, что Этьенъ, по фамиліи Курриоль, жилъ въ послѣднее время въ домѣ Пармантье, на квартирѣ нѣкоего Ришара, съ женщиной, которую онъ выдавалъ за свою жену и которая называлась Магдалиною Вребанъ; что 17-го флореалья Пармантье, вмѣстѣ съ Курриолемъ, былъ въ полицейскомъ управленіи и выправлялъ для него паспортъ для проѣзда въ Труа; что 18-го флореалья Курриоль съ Магдалиною Вребанъ выѣхали изъ Парижа по дорогѣ въ Бонди. Они были на другой день заарестованы въ Шато-Тьерри. У Курриоля найдена была значительная часть похищеннаго.

По подозрѣнію, убійцы проживаютъ у Ришара вмѣстѣ съ Этьеномъ Курриолемъ; у Ришара былъ сдѣланъ обыскъ. Здѣсь застали самого Ришара, который сказалъ, что онъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и хозяинъ помѣщенія, и Антоца Брюера, который живетъ у него; Ришаръ и Брюеръ, какъ было дознано, провожали Курриоля до Бонди. При обыскѣ были взяты бумаги нѣкоего Гено, тоже проживавшаго у Ришара.

Производство слѣдствія было поручено Добантону, который считался самымъ ловкимъ и дѣятельнымъ чиновникомъ судебной полиціи.

Когда Добантонъ, вызвавъ въ центральное бюро всѣхъ нужныхъ свидѣтелей, приготовлялся дѣлать имъ допросъ, ему доложили, что двѣ свидѣтельницы, служанка въ гостинницѣ Эврарда, Гросстетъ, и служанка въ кофейной Шателенъ, Маріа Пети, признали въ двухъ изъ бывшихъ въ центральномъ бюро лицъ тѣхъ неизвѣстныхъ людей, которые въ самый день убійства прѣбывали въ Монжеронъ и которыхъ можно подозрѣвать въ преступленіи. Лица эти были: Гено, явившійся къ Добантону за своими бумагами, и Лезюркъ, рантѣе. Оба они были арестованы:

«Вотъ показанія этихъ двухъ свидѣтельницъ:

«*Гросстетъ*: 8 флореала неизвѣстный человекъ на лошади прибылъ въ гостинницу и потребовалъ обѣдъ. Пока приготовляли обѣдъ, онъ вышелъ и, возвратившись чрезъ минуту, заказалъ обѣдъ еще на четыре персоны. Ожидаемые имъ четверо людей прѣбывали также верхомъ, обѣдали съ нимъ за однимъ столомъ и, по окончаніи обѣда, отправились въ кофейную Шателенъ. Въ числѣ этихъ людей были Гено и Лезюркъ.

«*Маріа-Викторія Пети*: 8-го флореала четыре всадника, около половины втораго, явились въ кофейную, спросили себѣ кофе и потомъ отправились по дорогѣ къ Льерсену. Указаніе ею Гено и Лезюркъ были въ числѣ этихъ всадниковъ.

«На допросѣ *Гено* показалъ, что онъ родомъ изъ Дуэ, 38 лѣтъ; прибылъ въ Парижъ розискать три ящика съ серебромъ, которые онъ отправилъ въ монетное управленіе и которые до сихъ поръ не были получены. Въ Парижѣ онъ проживаетъ у Ришара, золотыхъ дѣлъ мастера, и два раза ѣздилъ въ Шато-Тьерри къ своему компаніону по военной транспортировкѣ, Галъе. Онъ знаетъ Курриоли только потому, что видѣлъ его у Ришара. Галъе, встрѣтивъ съ Курриолемъ у Ришара и узнавъ, что онъ ѣдетъ въ Труа, пригласилъ его отправиться вмѣстѣ черезъ Шато-Тьерри. Гено знаетъ Лезюрка, такъ какъ они земляки и вмѣстѣ воспитывались; Лезюркъ—патріотъ, онъ приобрѣлъ много національныхъ доменъ и нескрываетъ, что обязанъ своимъ благосостояніемъ революціи.

Лезюркъ, подтвердивъ въ отношеніи себя показанія Гено, прибавилъ, что онъ знаетъ и Гено, какъ своего земляка, и Ришара—тоже земляка, но Ришара онъ въ послѣднее время потерялъ изъ виду, и только въ прошломъ мѣсяцѣ былъ у него вмѣстѣ съ Гено. Курриоли онъ совершенно не знаетъ. Когда онъ былъ у Ришара, тамъ были и еще лица, но кто они? ему неизвѣстно; онъ знаетъ только вѣкъ на-

зывали по имени какого-то Этьена, бывшего тамъ съ женою, которыхъ онъ сегодня встрѣтилъ въ центральномъ депо, въ числѣ свидѣтелей.

«*Ришаръ и Брюеръ*, не скрывая своихъ отношеній къ Курриюлю, отрицали всякое соучастіе въ преступленіи. Приэтомъ Ришаръ сказалъ, что онъ знаетъ Лезюрка, а Брюеръ показавъ, что, по приглашенію Курриюля, онъ училъ грамотѣ его жену, вслѣдствіе чего и бывалъ часто у нихъ, и, наконецъ, по его приглашенію, перѣхалъ къ нему жить.

«*Курриюль* на допросѣ не сознавался въ участіи. Дѣйствительно, онъ привелъ лошадей къ Мирону, и это произошло такимъ образомъ: выйдя изъ дому, онъ на Pont-Neuf встрѣтилъ пятерыхъ своихъ знакомыхъ, имена которыхъ онъ, впрочемъ, не знаетъ. Они поручили ему отвести лошадей къ Бернару. Онъ оставилъ лошадей сначала у Мирона, а потомъ зашелъ за ними и доставилъ ихъ Бернару.

«*Давидъ Бернаръ*, купецъ-коммисіонеръ, арестованный вслѣдствіе этого показанія, на допросѣ отвѣчалъ, что знакомъ съ Курриюлемъ и что послѣдній ссудилъ ему 126 ливидоровъ.

«*Магдалина Бребанъ*, 23 л., прачка: вотъ уже два года, какъ она живетъ съ Курриюлемъ, а до тѣхъ поръ жила у своего дяди Жубера. Курриюль занимается продажею полотна, вина и золотыхъ вещей; къ нему приходило всегда много народа, но она знаетъ только Ришара, потому что когда къ Курриюлю приходили, то онъ обыкновенно отсылалъ ее въ другую комнату. Ей извѣстно, что Курриюль знаетъ Гено, въ первый разъ встрѣтивъ его у Ришара. Изъ Парижа Курриюль отправился въ субботу 18-го флореаля, а Гено съ Галье—въ четвергъ или въ пятницу. Гено приглашалъ Курриюля посѣтить его въ Шато-Тьерри.—На вопросъ, въ которомъ часу 9-го флореаля Курриюль возвратился домой?—Бребанъ сказала, что онъ вернулся въ полдень. Наканунѣ отъѣзда, Курриюль былъ одѣтъ въ голубомъ кафтанѣ со стальными пуговицами, въ кожаныхъ штанахъ, красномъ вышитомъ жилетѣ и въ треугольной шляпѣ съ золотымъ кантомъ. Вернувшись домой, онъ сказалъ, что былъ въ деревнѣ, но не сказалъ—въ какой, именно. Онъ былъ въ отсутствіи двое сутокъ.—Наконецъ, Бребанъ показала, что у Курриюля она видѣла Брюера, но Лезюрка совсѣмъ не знаетъ.

«Бребанъ, послѣ этихъ показаній, была отпущена, какъ невозбуждавшая никакихъ подозрѣній въ прикосновенности къ дѣлу.

«Затѣмъ приступлено было къ допросу прочихъ свидѣтелей.

«*Марія-Моника Германдо*, жена Ришара, показала: мужъ ея купецъ, торгуетъ галантерейнымъ товаромъ, держитъ подрядъ и имѣетъ дѣло съ г. Авиллономъ. «Я знаю Этьена Курриоля, но съ очень недавняго времени; онъ былъ у насъ три или четыре раза до отъѣзда въ Труа и просилъ позволенія остановиться въ нашемъ домѣ на нѣсколько дней, такъ какъ у него съ хозяиномъ прежней квартиры вышли непріятности. Скоро онъ явился и уже на другой день привелъ къ обѣду Гено и Галье. Оставались они не болѣе трехъ дней. Курриоль пришелъ къ намъ въ тотъ день, когда у насъ завтракалъ гражданинъ Лезюркъ.» О томъ имѣеть-ли какія дѣла Этьенъ Курриоль съ Лезюркомъ, она не знаетъ.

«Лезюрку была дана очная ставка съ женщинами Гросстетъ и Сантонъ, Жаномъ Деляфоли, прислужникомъ Эврарда, и трактирщикомъ Жаномъ Шампо.

«*Сантонъ* показала, что она видѣла его, Лезюрка, вмѣстѣ съ Курриолемъ, въ Монжеронѣ у Шателенъ; *Гросстетъ* тоже показала, что Лезюркъ тотъ самый, который былъ у нихъ съ Курриолемъ и Гено; *Деляфоли* призналъ въ Лезюркѣ одного изъ трехъ лицъ, обѣдавшихъ въ Монжеронѣ, прибавивъ, что онъ прибылъ первый; *Шампо*, также признавшій Лезюрка, сказалъ, что онъ починалъ свои серебряныя шпору.

«Съ этими свидѣтелями была дана очная ставка Гено, Брюеру и Бернару. Замѣтимъ, что изъ дѣла ясно видно, что ни Гено, ни Брюеръ не были 8 флореала на дорогѣ въ Мелунъ и не принимали участія въ преступленіи; что же касается до Бернара, то хотя онъ доставилъ средства для преступленія, но лично не принималъ никакого участія. Между тѣмъ, Гено признанъ женщинами Сантонъ и Гросстетъ; Деляфоли и Шампо его не признали. Брюера не признали Сантонъ, Гросстетъ и Деляфоли; а Шампо и его жена сказали, что они полагаютъ, что Брюеръ былъ одинъ изъ пріѣзжавшихъ къ Миرونу. Бернара не признали Сантонъ, Гросстетъ и Деляфоли; но Шампо и его жена показали, что видѣли его наканунѣ убійства въ Льерсенѣ съ тремя другими всадниками. Супруги Шампо признали даже Ришара за одного изъ пріѣзжавшихъ къ нимъ четырехъ всадниковъ.

«При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, былъ сдѣланъ вновь допросъ Гено и Лезюрку.

«Гено, на вопросъ о томъ, гдѣ онъ былъ 8-го флореала, —

разсказать, какъ провелъ цѣлое утро, и прибавилъ: «въ шесть часовъ гражданинъ Шеню ушелъ отъ меня и я отправился къ под-
рядчику Полю. Дорогою, на бульварѣ, встрѣтилъ Лезюрка и Ги-
лера; я имъ сказалъ, что вернулся изъ Шато-Тьерри и иду къ Полю.
Около 7 ч. вечера я на этомъ же бульварѣ пилъ съ ними вино».

«Показаніе Лезюрка:

«Утромъ 8 флореали я отправился къ гражданину Леграну и
пробылъ тамъ до половины втораго; оттуда я воротился къ моему
родственнику Лезюрку, у котораго я проживаю, гдѣ обѣдалъ
вмѣстѣ съ Гилеромъ; съ нимъ мы отправились на бульваръ, гдѣ
я встрѣтилъ Гено; затѣмъ вернулся домой и, пообыкновенію, легъ
спать».

«При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла были отобраны слѣдую-
щія новыя показанія:

«*Ламэнъ* показалъ, что 8 флореали, отправляясь въ Парижъ,
онъ встрѣтилъ около Монжерона четырехъ всадниковъ, но
такъ какъ они ѣхали рысью и притомъ въ противоположную
сторону, то онъ не могъ хорошо ихъ разглядѣть. Впрочемъ,
одинъ изъ нихъ обратилъ на себя его вниманіе своей отличною
лошадью и онъ по совѣсти утверждаетъ, что это былъ тотъ, ко-
торога называютъ Гено. Ламэнъ почевалъ въ Villeneuve Saint
Georges и на другой день, около 4 часовъ, отправился далѣе въ
путь съ однимъ волонтеромъ, который на дорогѣ увидаль шнагу
и, когда хотѣлъ поднять ее, замѣтилъ, что она окровавлена».

«*Томасъ Альфруа* показалъ, что 8 флореали, около 9 часовъ ве-
чера, противъ гостиницы «Бѣлая лошадь» стояли двое. Одинъ
изъ нихъ былъ въ голубомъ костюмѣ, свидѣтель подошелъ къ
нему, принявъ его за мелунскаго почтмейстера. Свидѣтель утвер-
ждалъ, что этотъ человекъ—Лезюркъ».

«*Жена Альфруа, Марин-Жанна*, признала въ Лезюркѣ и Кур-
риолѣ двухъ мужчинъ, которыхъ 8 флореали она видѣла нѣсколько
разъ проходившими подъ ея окнами; причемъ она прибавила, что
одинъ былъ въ сѣромъ платьѣ, другой въ голубомъ; оба были
съ серебряными шпорами и ни одинъ изъ нихъ не былъ воору-
женъ».

«*Женщина Бургуанъ*: она видѣла четырехъ незнакомцевъ 8 фло-
реали въ Льерсенѣ и теперь одного изъ нихъ узнаетъ въ Брюерѣ».

«Такое же показаніе далъ *Михаилъ Ге*».

«*Петръ Жилле*, льерсенскій торговецъ скотомъ, показалъ, что

8 флореали, около пяти часовъ, онъ видѣлъ трехъ всадниковъ, проѣзжавшихъ мимо его дома. Изъ чисто обвиняемыхъ онъ признаетъ двоихъ, именно: Курриоля и Лезюрка.

«*Михаиль Габель*, льерсенскій почтальонъ, и купецъ *Пьерръ*— что они видѣли 8 флореали въ Льерсенѣ четырехъ всадниковъ, но теперь признать ихъ не могутъ.

«*Фрюмаръ*, каретникъ, призналъ въ Курриолѣ одного изъ четырехъ всадниковъ, которыхъ 8 флореали онъ видѣлъ около семи часовъ вечера: они ѣхали весьма тихо и вели себя такъ, что возбудили его подозрѣнiе.

«*Адрианъ Буайе*, льерсенскій каретникъ, также призналъ въ Курриолѣ одного изъ четырехъ всадниковъ, которыхъ онъ видѣлъ 8 флореали.

«*Антонъ Перо*: въ гостинницѣ Эврарда онъ встрѣтилъ трехъ челоуѣкъ; онъ узнаетъ ихъ теперь, это: Курриоль, Гено и Лезюркъ.

«*Лаурентий Шарбо*:— 8 флореали въ гостинницѣ, въ Льерсенѣ, онъ встрѣтилъ четырехъ мужчинъ, которые послѣ обѣда отправились въ путь. Одного изъ нихъ онъ хорошо замѣтилъ и твердо убѣжденъ, что это Лезюркъ; другаго онъ находитъ похожимъ на Гено, но рѣшительно утверждать этого не можетъ.

«*Маргарита Мартенъ*, содержательница гостинницы въ Льерсенѣ: 8 флореали, около пяти часовъ вечера прибылъ къ ней всадникъ и спросилъ вина и хлѣба; затѣмъ явился еще одинъ и, поговоривъ не много съ первымъ, удалился; черезъ нѣсколько минутъ вышелъ и первый: онъ былъ смуглый, въ голубомъ кафтанѣ, красномъ шитомъ жилетѣ и треугольной шляпѣ съ золотымъ кантомъ.

«При новомъ допросѣ, Лезюркъ на вопросъ: гдѣ онъ ночевалъ съ 8 на 9 флореали, отвѣтилъ, что ночевалъ дома, у своего двоюроднаго брата Лезюрка. Въ теченiе времени отъ начала фруктидора до 19 флореали онъ обыкновенно ночевалъ у себя и возвращался домой всегда около 10 часовъ.— На вопросъ о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ въ центральное депо?—Лезюркъ отвѣчалъ: «я просто сопутствовалъ Гено».—Лезюркъ до послѣдняго времени не зналъ, за что его арестовали, иначе онъ легко могъ бы дать подробный отчетъ о томъ, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ 8 и 9 флореали. Онъ рѣшительно не знаетъ, почему нѣкоторые свидѣтели указали, какъ на подозрѣваемыхъ въ убійствѣ, на него и Гено, но подобная вещь ему кажется невѣроятной, тѣмъ болѣе, что онъ не по-

видалъ Парижа, не былъ на дорогѣ въ Мелунъ и, сверхъ того, достаточно обезпеченъ, чтобы рѣшиться на такое преступленіе. — На вопросъ о томъ, какія обыкновенно носить онъ шпоры? — Лезюркъ отвѣчалъ: «единственные шпоры, которыя я ношу — античныя серебряныя, т. е. безъ колесъ».

«Вотъ справка о личности Лезюрка:

«Лезюркъ, водворясь въ округъ Дуэ, первоначально жилъ только жалованьемъ. Потомъ онъ выгодно скупилъ національныя земли, но утратилъ большую часть этого состоянія и, возвратившись изъ Парижа въ Дуэ для продажи своей движимости, объявилъ друзьямъ, что онъ намѣренъ навсегда поселиться въ Парижѣ. Лезюркъ патриотъ; у него общительный, благородный и добрый характеръ, но поведенія онъ довольно легкаго и небезукоризненъ на счетъ супружеской вѣрности».

«Обвинительнымъ актомъ преданы суду Лезюркъ и Курриоль за убійство и ограбленіе почты; что же касается Гено, Брюера и Ришара, то обвинительный актъ находить улики, собранныя противъ нихъ, болѣе слабыми и менѣе опредѣленными. Ришаръ преданъ суду лишь за то, что принялъ покраденое, далъ у себя убѣжище Курриолю и способствовалъ его бѣгству.

«Засѣданіе по этому дѣлу, въ уголовномъ сенскомъ судѣ открылось, подъ предѣлательствомъ Гойе, 15 термидора IV г. и продолжалось три дня. Свидѣтелей обвиненія было 55; со стороны обвиняемыхъ было выставлено 83 свидѣтеля, именно: 10 за Курриоля, 15 за Лезюрка, 20 за Гено, 13 за Ришара, 21 за Бернара и 4 за Брюера.

«Вердиктомъ присяжныхъ было признано, что въ ночь съ 8 на 9 флореаля совершено убійство гражданина Екскофона, курьера лійонской почты, и гражданина Одебера, почтальона, и ограблена почта; что Курриоль, Лезюркъ и Бернаръ совершили это преступленіе. Пьерръ Ришаръ признанъ виновнымъ въ приемѣ завѣдомо краденаго. Вслѣдствіе такого вердикта Курриоль, Лезюркъ и Бернаръ были приговорены къ смерти; Ришаръ присужденъ на 24 года въ каторгу. Гено и Брюеръ признаны невиновными и освобождены. По произнесеніи приговора, Лезюркъ утверждалъ что онъ невиновенъ. Курриоль, въ свою очередь, вскричалъ: «Лезюркъ и Бернаръ невиновны: Бернаръ только доставилъ лошадей, а Лезюркъ не принималъ вовсе никакого участія».

«Затѣмъ, на формальныхъ допросахъ 19 и 21 термидора, Курри-

оль назвалъ виновниками Дюбоска, Жана-Батиста, Лаборда, Ляфлера (Дюфуръ-Видалъ) и Русси. Эти четыре лица хорошо извѣстны гражданамъ Бребанъ, его любовницѣ. Это они ѣхали на его лошадахъ и обѣдали въ Монжеронѣ. Онъ полагаетъ, что главные виновники преступленія Русси и Лаборда, который ѣхалъ съ курьеромъ. Шпага и шпору принадлежатъ Дюбоску, который первый прибылъ къ обѣду въ Льерсенѣ; прогуливались по улицѣ Дюбоскъ и Ляфлеръ (Видалъ). Гражданка Бребанъ знала объ ихъ замыслѣ. — Сверхъ того, Курриоль отправилъ въ директорію письмо, гдѣ умолялъ избавить невинныхъ отъ казни.

«Въ тоже время передъ мировымъ судьей тампльскаго округа многіе свидѣтели подкрѣпляли показанія Курриоля, именно:

«*Кошуа*, кузнецъ: мѣсяца четыре тому назадъ гражданка Бребанъ говорила ему, что изъ всѣхъ обвиняемыхъ виноватъ одинъ Курриоль, а остальные вовсе не участвовали въ убійствѣ курьера, настоящіе же виновники скрылись изъ Парижа. Бребанъ называла ему виновныхъ, но въ настоящее время онъ не помнитъ ихъ именъ. Кошуа лишь только узналъ объ этомъ, тотчасъ донесъ Добантону, но почему-то его заявленіе оставлено безъ вниманія.

«*Гулу*, башмачникъ, далъ подобное же показаніе, прибавивъ, что Бребанъ ему говорила, будто Лезюркъ ошибочно принять за другаго, и ошибка вышла изъ за цвѣта волосъ, такъ какъ Лезюркъ бѣлокуръ, а настоящій виновникъ былъ въ бѣлокуромъ парикѣ.

«*Перень*, портъе: Видалъ жилъ въ ихъ домѣ; къ нему, Видалю, приходили трое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ бѣлокурый, уже въ то время, когда Лезюркъ былъ арестованъ.

«Наконецъ, *Мадалина Бребанъ* показала, что до 8-го флореаля Ляфлеръ (Видалъ) и Русси часто бывали у Курриоля; что иногда бывалъ у нихъ и Дюбоскъ, но Лезюрка она никогда не видала. Лезюрка, который очень схожъ съ Дюбоскомъ, она встрѣтила только разъ у Ришара; Дюбоскъ всегда носитъ бѣлокурый парикъ.

«Эти показанія были представлены въ кассационный судъ, куда уже поступила просьба Лезюрка. Судъ оставилъ эту просьбу безъ послѣдствій. Тогда Лезюркъ обратился въ директорію, которая przeprowadила его просьбу въ совѣтъ пятисотъ. Совѣтъ предложилъ директоріи сдѣлать распоряженіе объ отсрочкѣ казни. Для разсмотрѣнія

дѣла назначена была коммисія, состоявшая изъ трехъ членовъ: Трельяра, Крассу и Симеона.

«Коммисія пришла къ тому заключенію, что о невинности Лезюрка, Бернара и Ришара говорилъ только одинъ Курриоль, самъ признанный виновнымъ въ убійствѣ, и говорилъ лишь на другой день приговора, что показаніе его не заслуживаетъ вѣры, ибо дано поздно и могло имѣть своимъ источникомъ или желаніе спасти товарищей, или подкупъ обѣщаніемъ какой-либо награды его семейству. Совѣтъ пятисотъ согласился съ этимъ заключеніемъ и 9 брюмера V года надъ осужденными была совершена казнь. Умирая, Лезюркъ твердилъ о своей невинности; Курриоль на самомъ эшафотѣ повторялъ: «я виноватъ, а Лезюркъ страдаетъ невинно».

«Съ этого момента процессъ Лезюрка вступаетъ въ новый фазисъ: начинаютъ раскрываться новыя доказательства, появляются новые свидѣтели его невинности. Между прочимъ, судья Жарри написалъ къ Симеону вскорѣ послѣ исполненія приговора письмо слѣдующаго содержанія: «Я только что прочелъ вашъ докладъ о дѣлѣ несчастнаго Лезюрка и пораженъ до глубины души: Лезюркъ невиненъ. По всей вѣроятности, одинъ я могъ бы разъяснить это дѣло, но увы! Лезюрка уже нѣтъ на свѣтѣ и все, что я вамъ скажу теперь, будетъ для него бесполезно. Когда я былъ въ прошломъ году мировымъ судьей въ Безансонѣ, то одинъ лонскій купецъ пріѣхалъ туда, розыскивая человѣка, который укралъ у него громадную сумму денегъ. Воръ и его жена были задержаны, но наканунѣ суда оба они убѣжали изъ тюрьмы. Изъ слѣдствія видно, что этотъ же обвиняемый уже прежде судился въ сенскомъ судѣ и былъ приговоренъ къ каторгѣ. Это былъ Дюбоскъ, тотъ самый Дюбоскъ, котораго называлъ Курриоль. Отъ природы онъ темнорусъ, но носитъ свѣтлый парикъ; въ его чемоданѣ я нашелъ другой парикъ черный: онъ мѣнялъ ихъ, смотря по надобности. Онъ совершилъ много кражъ. Со дня его бѣгства совершилось нѣсколько преступленій въ Лионѣ и Парижѣ, и я увѣренъ, что они совершены имъ. Читая вашъ докладъ въ «Монитерѣ» я тотчасъ узналъ всѣ признаки Дюбоска. Съ меня достаточно было и одного свѣтлаго парика. Я твердо убѣжденъ, что это именно тотъ Дюбоскъ, котораго называлъ Курриоль, и что потому показанія Курриоля о Дюбоскѣ не выдумка, а истина».

«Письмо это было оставлено безъ послѣдствій.

«Случай, между тѣмъ, помогъ открыть Лаборда, настоящее имя

второго—Жозефъ Дюроша. Онъ былъ задержанъ за новую кражу, и въ день разбирательства этого дѣла одинъ изъ почтовыхъ чиновниковъ призналъ его именно за то лицо, которое отправилось съ Эсकोфомъ въ Лионъ.

«На допросѣ 29 вантоза IX года, Дюроша показали, что его и Видаля подговорилъ Дюбоскъ къ преступленію; что Дюбоскъ предложилъ ему, Дюроша, отправиться въ повозкъ съ курьеромъ и добыть ему для этой цѣли паспортъ на имя Лаборда; что онъ, Дюроша, дѣйствительно ѣхалъ съ курьеромъ; участниками въ совершеніи преступленія были: 1) Видалъ-Дюфуръ; по прозванію Ляфлеръ, настоящее имя котораго Пьерръ Піала; 2) Русси, онъ же Феррари; 3) Дюбоскъ, и 4) Курриоль. Лошадей имъ доставилъ Бернаръ. Они предполагали только связать курьера и почтальона, а убійство совершено по настоянію Курриоля; курьеръ былъ раненъ кинжаломъ и задушенъ Ляфлеромъ. По возвращеніи въ Парижъ, они отправились для дѣлежа добычи къ Дюбоску, при этомъ былъ Бернаръ и получилъ свой пай; лошадей отводили Курриоль, Дюбоскъ и Видалъ. Онъ, Дюроша, во имя истины считаетъ себя обязаннымъ сказать, что онъ никогда не зналъ Лезюрка, никогда не видалъ его и Лезюркъ ни въ чемъ съ ними не участвовалъ; даже Бернаръ только далъ лошадей, но въ убійствѣ не принималъ участія. «Я тоже не совершалъ убійства; показывалъ Дюроша: Дѣло было вотъ такъ: въ назначенный день, т. е. 8-го флореала, Видалъ, Дюбоскъ, Русси и Курриоль, на лошадяхъ, отправились около 8 ч. вечера изъ Парижа по дорогѣ въ Мелунъ. Я же, заплативъ на почтѣ 300 франковъ, которыми ссудилъ меня Дюбоскъ, выѣхалъ изъ Парижа съ курьеромъ въ четвертомъ часу. Часовъ около 9 вечера мы подъѣзжали уже къ Лберсену; здѣсь diligencъ былъ остановленъ заговорщиками. Русси ударилъ саблею курьера; я хотѣлъ отразить этотъ ударъ рукою, но самъ получилъ рану: шрамъ отъ нея остался до сихъ поръ. Затѣмъ, выскочивъ изъ повозки, я побѣжалъ; встрѣтивъ Курриоля, я сталъ ему выговаривать за нарушеніе уговора—избѣгать убійства, и даже упоминалъ, что намъ не миновать гильотины. Курриоль мнѣ отвѣтилъ: «Это все Русси! ты знаешь, какъ онъ горячъ. Но дѣло сдѣлаю!» Потомъ почта была отведена въ лѣсъ, веревки съ тюковъ сръзаны, все цѣнное забраво, — и мы возвратились въ Парижъ. Русси сѣлъ на лошадь убитаго почтальона, а мнѣ далъ свою; мы поѣхали прямо къ Дюбоску. Около 4 ч. утра мы уже были въ Парижѣ;

лошадь почталыона бросили на бульварѣ, а остальныхъ отвели въ гостинницу, но въ какую именно—я не могу назвать. Восемь дней я оставался у Видаля и когда Курриоль былъ арестованъ, мы бѣжали въ Ниверъ». На замѣчаніе, что Лезюркъ былъ признанъ за одного изъ соучастниковъ въ преступленіи и что на Лезюркъ были серебряныя шпоры,—Дюроша возразилъ, что посеребренныя шпоры были на Дюбоскѣ.

«17 жерминаля V года, сенскій уголовный судъ, принимая во вниманіе признаніе самого Дюроша, а также показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей и въ особенности показанія Курриоля, призналъ Дюроша виновнымъ въ убійствѣ курьера и приговорилъ къ смертной казни. Исполненіе этого приговора было отсрочено на нѣкоторое время вслѣдствіе задержанія двухъ участниковъ преступленія, указанныхъ Курриолемъ и Дюроша. Видаля былъ задержанъ 17 флореала V года, а Дюбоскъ и его любовница, Барьеръ, на которую падало подозрѣніе въ знаніи о замыслѣ на преступленіе,—были задержаны черезъ нѣсколько времени потомъ. На очной ставкѣ съ Видалемъ Дюроша призналъ его за то лицо, которое предложило ему ограбить курьера, снабдило его паспортомъ, было въ числѣ четырехъ всадниковъ, которые остановили, убили и ограбили курьера, и получило большую часть при дѣлежѣ. Напротивъ, при предъявленіи ему Дюбоска Дюроша не призналъ его. Но это произошло вслѣдствіе того, какъ было дознано, что въ тюрьмѣ Дюбоскъ закушилъ Дюроша обѣщаніемъ дать ему столько денегъ, сколько онъ пожелаетъ. Это обстоятельство подтвердилъ наканунѣ казни и самъ Дюроша.

«Вотъ къ какимъ результатамъ повело слѣдствіе надъ Видалемъ и Дюбоскомъ:

«*Жанъ Шампо*, его жена и продавица лимонада въ Монжеронѣ, *Альфруа*, признали въ Видалѣ одного изъ четырехъ всадниковъ. Прочіе свидѣтели не признали Видаля; нѣкоторые изъ нихъ были поражены его сходствомъ съ Гено.

«Видаля положительно отрицалъ показанія всѣхъ свидѣтелей.

«Что касается Дюбоска, то *Шьерръ Жилле*, жена *Шампо*, *Антонъ Перрольтъ*, *Гросстетъ*, *Сантонъ* и *Альфруа*—не признали Дюбоска.

«Новый свидѣтель, неспрошенный при прежнихъ допросахъ, *Людвикъ Таранъ*, сторожъ, изъ трехъ предъявленныхъ ему лицъ: Дюроша, Видаля и Дюбоска, не призналъ перваго, но узналъ двухъ остальныхъ (Видаля и Дюбоска). Онъ часто видѣлъ, что

они бывали у Бернара, и въ то время, когда уже стало извѣстно убійство курьера, къ Бернару приходили четверо; двое изъ нихъ (какъ свидѣтель слышалъ) назывались Курриоль и Русси. Имена остальныхъ свидѣтель не знаетъ, но въ лицахъ, предъявляемыхъ ему (т. е. Видаль и Дюбоскъ), онъ узнаеть тѣхъ, которые нанимали лошадей. Свидѣтель помнитъ, что это было въ 5 или въ 6 часовъ утра; Бернаръ совѣтывалъ не выѣзжать всѣмъ вмѣстѣ; сначала отправились двое, и затѣмъ свидѣтель, по приказанію Бернара, отвелъ двухъ лошадей къ дверямъ кофейной въ улицѣ Кордери. Они возвратились къ Бернару на другой день поутру около 7 часовъ; лошади были очень измучены; одна изъ четырехъ лошадей была сѣрая, въ яблокахъ, другая—вороная съ длинною шеею, третья—бурал, четвертая—бурая съ бѣлыми пятнами.

«*Магдалина Бребанъ* показала, что въ самый день убійства курьера, Курриоль вышелъ изъ дому въ 5 часовъ утра, сказавъ, что пойдетъ къ Бернару за лошадыю, чтобы ѣхать за городъ. На другой день поутру, Брюеръ, жившій съ Курриолемъ, пошелъ со мною къ Бернару, чтобы узнать, куда дѣвался Курриоль. Мы встрѣтили Бернара на дорогѣ, и онъ сообщилъ намъ, что Курриоль за городомъ. Мы воротились домой. Часовъ въ 8 утра пришелъ Бернаръ и вручилъ намъ записку, которую, по его словамъ, онъ получилъ отъ неизвѣстной женщины; въ этой запискѣ Курриоль просилъ прислать ему перемѣну платья и бѣлья. Бернаръ сказалъ намъ, что Курриоль—у Дюбоска и отвелъ насъ туда. Брюеръ, Бернаръ и Бребанъ поднялись во второй этажъ и тотчасъ же ушли, какъ передали Курриолю платье и бѣлье; въ комнатѣ Дюбоска находилась его жена, а Курриоль, Русси и Лифлеръ (Видаль) были въ слѣдующей комнатѣ».—Когда Магдалинѣ Бребанъ былъ предъявленъ Дюбоскъ, она признала его за то лицо, которое называло себя мужемъ дѣвицы Пренезъ и у котораго она была 9 флореали. Дюбоска она видѣла нѣсколько разъ у Курриоля.

«На дальнѣйшемъ слѣдствіи *Альфруа*, повторивъ прежнія свои показанія, прибавила, что Дюбоскъ лицомъ не много схожъ съ Лезюркомъ, но ей кажется, что у Дюбоска глаза не много свѣтлѣе, брови темнѣе и что онъ ростомъ меньше Лезюрка; у Дюбоска волосы гораздо рѣже и темнѣе волосъ Лезюрка. Сверхъ того, ей кажется, что Дюбоскъ, если только онъ совершилъ преступленіе, былъ въ тотъ день въ свѣтломъ парикѣ. Она могла бы сказать это утвердительно, если ей показать Дюбоска въ такомъ парикѣ.

«Жена Шампо показала, что она находитъ лицо Дюбоска не много смуглѣе и волоса его темнѣе, чѣмъ у Лезюрка; ростомъ они одинаковы. Впрочемъ, за давнимъ временемъ она не можетъ отчетливо припомнить ихъ наружность.

«Шампо, давъ сходное съ женою показаніе, прибавилъ: если на Дюбоскѣ въ день убійства былъ свѣтлый парикъ, то онъ, Шампо, долженъ видѣть его въ такомъ парикѣ.

«Пьерръ Ришаръ писалъ къ Добантону: «Заявляю, что 13 флореаля IV года, я завтракалъ на бульварѣ Тампль съ Курриолемъ, Дюбоскомъ, Русси, Лафлеромъ и такъ-называемымъ Лаборда; съ нами былъ также Брюеръ, жившій съ Курриолемъ. Изъ ихъ разговора я узналъ, что дѣлежъ добычи происходилъ у Дюбоска, что Дюбоскъ и Курриоль убили почтальона, а Русси и Курриоль бросились на курьера, котораго Лаборда умертвилъ ударомъ ножа. Я прошу васъ допустить меня къ свидѣтельству противъ обвиняемыхъ, потому что боюсь, чтобы не вышло снова несчастной ошибки, какъ это случилось въ отношеніи Лезюрка». На слѣдствіи, Ришаръ повторилъ это показаніе.

«15 пловіоза VI года былъ составленъ противъ обвиняемыхъ актъ преданія ихъ суду. Сенскій судъ, согласно съ прокурорскимъ предложеніемъ, 5 вентоза VI года постановилъ: 1) чтобы портреты или бюсты Лезюрка были представлены въ канцелярію суда, и 2) чтобы гражданиномъ Мартеномъ, парикмахеромъ, былъ сдѣланъ, сообразно съ бюстами и портретами, свѣтлый парикъ по мѣркѣ головы Дюбоска.

«Но засѣданіе по этому дѣлу должно было отсрочиться, такъ какъ Видалъ, Дюбоскъ и Барьеръ бѣжали изъ заключенія.

«Видалъ былъ пойманъ 16 преріаля VI года и дѣло о немъ разсматривалось 23 фруктидора; улики противъ него были очень сильны и, несмотря на полное заперательство, онъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни.

«Дюбоскъ и дѣвица Барьеръ были пойманы спустя два года, именно 14 фруктидора VIII года. Судебное разбирательство дѣла о нихъ началось съ 28 фрюмера IX года. На судебномъ слѣдствіи (въ засѣданіи 30 фрюмера), по распоряженію предсѣдателя, на Дюбоска былъ надѣтъ парикъ. Такъ какъ волоса Дюбоска были длиннѣе, чѣмъ на парикѣ, то предсѣдатель распорядился, чтобы обрѣзали его волоса. Потомъ были введены свидѣтели: Эврардъ Гросстетъ, Шарбо, Шателенъ, Сантонъ, Перрольтъ, Фелью, Ла-

баръ, Альфруа и его жена, Жилле и Шампо съ женою. Когда имъ былъ показанъ портретъ Лезюрка, то они, за исключеніемъ жены Альфруа, твердо стояли за показанія, данныя ими въ процесѣ Лезюрка; нѣкоторые изъ свидѣтелей замѣтили, что въ общемъ существуетъ сходство между Лезюркомъ и Дюбоскомъ, но сходство это далеко не такъ сильно, чтобы могло ихъ ввести въ ошибку. Жена Альфруа показала, что въ сенскомъ судѣ она признала Лезюрка, но что теперь совѣсть заставила ее сознаться въ ошибкѣ; она убѣждена, что видѣла не Лезюрка, а именно Дюбоска, что она его узнаетъ и раньше еще признала въ Понтуазѣ. Когда предсѣдатель напомнилъ ей о важности ея настоящаго показанія, Альфруа, долгое время храня молчаніе, смотрѣла на Дюбоска и затѣмъ подтвердила свое показаніе. Дюбоскъ, какъ и Видалъ, упрямо заперался во всемъ и указывалъ на то, что онъ не можетъ быть осужденъ, ибо дѣло это ужъ рассмотрѣно и къ смерти приговоренъ другой. Приговоромъ 1 нивоза IX года онъ былъ признанъ виновнымъ въ пособничествѣ и приговоренъ къ смертной казни. Барьеръ была приговорена къ 24 лѣтнему заключенію. Передъ казнью Дюбоскъ заявилъ своему защитнику о невинности Лезюрка.

Наконецъ, въ XII году было дознано, что Русси бѣжалъ въ Мадридъ; онъ былъ выданъ, сужденъ и приговоренъ къ смертной казни. Въ день казни и въ посмертномъ письмѣ онъ торжественно заявилъ, что Лезюркъ невиненъ, а что приговоръ относительно его, Русси, справедливъ.

Закончивъ этимъ изложеніе процесса, Эли, прежде чѣмъ перейти къ анализу дѣла, изложилъ суду дальнѣйшую его судьбу, т. е. многократныя и безплодныя попытки семейства Лезюрка добиться возобновленія дѣла, недопускавшагося по дѣйствовавшему до 1867 г. закону о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ. Мы не будемъ излагать этой части доклада и замѣтимъ только слѣдующее:

Въ 1822 году, при рассмотрѣніи просьбы о возобновленіи дѣла въ палатѣ депутатовъ, былъ поднятъ вопросъ о незаконности конфискаціи имуществъ Лезюрка. Наслѣдники подали просьбу министру финансовъ о снятіи секвестра, наложеннаго въ IV году на имущество Лезюрка. Здѣсь намъ необходимо выяснитъ причины этого секвестра. Приговоры отъ 18 термидора IV года, 17 жерминаля V года и 23 фруктидора VI года ничего не

говорять о судебныхъ издержкахъ. Издержки эти въ то время падали на публичную кассу. О возложеніи судебныхъ издержекъ на обвиняемыхъ впервые послѣдоваль законъ 18 жерминаля VІІ года и судебныя опредѣленія о возмѣщеніи издержекъ и убытковъ по этому дѣлу изъ имущества Дюбоска и Лезюрка послѣдовали 1 нивоза ІХ и 29 пловиза XII года. Между тѣмъ, изъ имущества Лезюрка можно было, согласно закону 25 сентября—6 октября 1791 года, взыскать только сумму похищеннаго. Въ такомъ смыслѣ и былъ данъ приговоръ отъ 18 термидора IV года.

Администрація же наложила секвестръ на все имущество Лезюрка и правильность такого распоряженія признана позднѣйшими опредѣленіями.

Очевидно, что, за силою закона 21 января 1791 г., отмѣнивашаго конфискацію, это опредѣленіе не могло отнять правъ отъ семейства Лезюрка на имущество, принадлежавшее послѣдному. Администрація государственныхъ имуществъ продала въ 1810 году имѣнія Лезюрка въ пользу казны за 185,000 фр. Цѣна это было далеко ниже дѣйствительной стоимости, ибо въ слѣдующемъ же году покупщикъ продалъ ихъ за 233, 306 фр.

2 іюля 1823 года министръ финансовъ, принимая во вниманіе, что секвестръ на все имущество не правиленъ и что онъ могъ быть наложенъ только въ суммѣ похищеннаго, приказаль управленію государственныхъ имуществъ составить и представить оцѣнку доходовъ съ имѣній Лезюрка, считая таковую съ ІХ года, а также составить вѣдомость о количествѣ денегъ, подлежащихъ уплатѣ казнѣ. Администрація высчитала эту сумму въ 74,596 фр., а затѣмъ 224, 815 фр. слѣдовало выплатить наслѣдникамъ Лезюрка. Вслѣдствіе жалобъ послѣднихъ на неправильность ликвидаціи, сдѣланъ былъ новый дополнительный расчетъ, вслѣдствіе котораго за наслѣдниками Лезюрка признано право на получение 491, 737 фр. 71 сант., чѣмъ они и признали себя вполне удовлетворенными.

Обращаясь затѣмъ къ анализу самаго дѣла, Фостень-Эли сказалъ, что здѣсь являются два вопроса: 1) виновенъ-ли Лезюркъ, или нѣтъ? и 2) Если онъ не виновенъ, то доказательство его невиновности вытекаетъ-ли изъ противорѣчія двухъ приговоровъ, произнесенныхъ противъ него и противъ Дюбоска?

«Можетъ быть, было бы болѣе правильно рассмотреть сначала противорѣчіе двухъ приговоровъ и затѣмъ уже виновность обоихъ обви-

ненныхъ. Мы было и полагали держаться такого порядка. Но намъ показалось, что въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ о виновности стоить на первомъ планѣ и разрѣшеніе этого вопроса не представляетъ слишкомъ большихъ затрудненій. Вопросъ о виновности или невинности Лезюрка уже часто возбуждался при разрѣшеніи вопроса о пересмотрѣ процесса. Даже тѣ, кто былъ противъ возобновленія процесса, находили, что виновность Лезюрка возбуждаетъ весьма сильное сомнѣніе. Одинъ только Жироде высказалъ будто справедливость приговора о Лезюркѣ ясна, какъ нельзя болѣе. Но мы приступили къ анализу этого процесса безъ всякой задней мысли, съ единственною цѣлью добиться истины, и, послѣ внимательнаго изученія всего процесса, не могли найти основаній, которыми руководился Жироде!

Что насъ особенно поражало — это какъ велъ себя Лезюркъ во время слѣдствія, его спокойствіе, ясность и точность его отвѣтовъ на допросахъ. Всѣ показанія его ясны и согласны между собою; онъ объяснилъ все, что только могъ объяснить, и когда ему противопоставляли показанія свидѣтелей, онъ говорилъ: «свидѣтели ошибочно приняли меня за одного изъ тѣхъ, которые въ тотъ день прѣзжали изъ Парижа въ Мелунъ; невозможно, чтобы они давали свои показанія по совѣсти». Впродолженіе цѣлаго слѣдствія онъ оставался постоянно покоенъ, невозмутимъ. Онъ вѣритъ въ правосудіе и его только удивляютъ тѣ вопросы, которые ему дѣлаютъ. Въ этомъ процессѣ онъ какъ иностранецъ, прѣхавшій въ чужую страну и незнающій ея языка. Онъ не даетъ ни одного показанія противъ обвиненія; онъ надѣется, что свѣтъ прольется на это темное дѣло, и только когда эта увѣренность покидаетъ его, только тогда онъ обращается къ Курриюлю и энергично протестуетъ.

Что означаетъ это спокойствіе? Происходило-ли оно отъ дѣйствительной увѣренности въ невинности, или это было только одно притворство? Чтобы разъяснить это, нужно разсмотрѣть характеръ Лезюрка, насколько онъ обрисовался въ слѣдствіи, обстоятельно раскрывшемъ всю его прошедшую жизнь.

Двадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ записанъ въ военную службу, дослужился до сержанта, т. е. до такого чина, далѣе котораго ему нельзя было идти. Удостовереніе его начальства говоритъ, что онъ и остоянно велъ себя безупречно, что начальство его уважало, товарищи любили и что его всегда ставили въ примѣръ другимъ за его поведеніе и характеръ. Онъ оставилъ военную службу въ 1789 году и поступилъ

въ муниципальное управленіе города Дуэ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого совершилась продажа національныхъ имуществъ; онъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, и послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ спекуляцій сдѣлался собственникомъ значительныхъ имѣній, цѣнность которыхъ мы уже знаемъ. Когда онъ поселился въ Парижѣ, въ III году, ему уже было 34 года, онъ былъ женатъ и имѣлъ троихъ дѣтей.

Мы видѣли, какъ отзывался о Лезюркѣ комиссаръ исполнительной власти въ Дуэ. Отзывъ этотъ не отличается благосклонностью къ Лезюрку. Изъ него видно: 1) что ко времени совершенія преступленія состояніе Лезюрка было таково, что онъ не могъ существовать безъ службы или инаго занятія; 2) что онъ былъ почти разоренъ и близокъ къ потерѣ всего имущества, и 3) что характеръ его былъ общительный и благородный въ высшей степени. Этотъ отзывъ не во всемъ справедливъ. Обстоятельства дѣла опровергаютъ его первый пунктъ, такъ какъ имущество, оставшееся послѣ Лезюрка, продано въ 1811 г. за 233,000 франк. Второй пунктъ — что дѣла Лезюрка были разстроены — также не вѣренъ, — мы можемъ теперь сказать это положительно, ибо дѣла Лезюрка приведены въ ясность. Наконецъ, что касается до характера Лезюрка, въ этомъ отношеніи комиссаръ не ошибся. Но очевидно, что человѣкъ съ подобнымъ характеромъ не могъ совершить такое ужасное преступленіе, какое приписываютъ Лезюрку. Правда, Лезюркъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ зналъ Ришара, зналъ даже Курриоля. Но дѣло въ томъ, что объясненія Лезюрка касательно дѣйствительныхъ отношеній его къ этимъ лицамъ ничѣмъ не опровергнуто. Онъ зналъ Гено; этотъ Гено, землякъ Лезюрка, въ бытность свою въ Парижѣ, поселился у Ришара, своего земляка. Чтобы видѣть Гено, Лезюркъ естественно долженъ былъ идти къ Ришару, и здѣсь-то 12-го флореаля онъ видѣлъ Курриоля, котораго впрочемъ не зналъ и котораго приютилъ у себя Ришаръ. Повторяемъ, что эти объясненія не только ничѣмъ не опровергнуты, напротивъ—ихъ подтвердили Гено, жена Ришара и Бребанъ. Въ цѣломъ процесѣ нѣтъ ни одного акта, изъ котораго можно бы было заключить, что Лезюркъ состоялъ въ какихъ либо отношеніяхъ съ другими обвиняемыми.

Если допустить, что Лезюркъ былъ соучастникомъ, то какъ понять, что въ теченіе всего производства дѣла всѣ пять слѣд-

ствій не открыли никакой къ тому улики? Какъ объяснить то обстоятельство, что когда, послѣ совершенія преступленія, Русси, Видалъ, Дюбоскъ, Дюроша и Курриоль бѣгутъ изъ Парижа, Лезюркъ совершенно спокойно, не обнаруживая ни малѣйшаго замѣшательства, продолжаетъ заниматься уборкою своей квартиры, которую онъ только-что нанялъ?

Можно-ли даже предположить, чтобы онъ былъ участникомъ въ совершеніи преступленія? Спросимъ себя: изъ кого состояла эта шайка? — Изъ разбойниковъ; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали съ каторги, а всѣ подверглись уголовнымъ наказаніямъ. Можно-ли предположить, чтобы Лезюркъ, старый служака, съ прекрасною репутаціею, съ хорошимъ состояніемъ, окруженный семействомъ и друзьями, — чтобы этотъ Лезюркъ могъ вступить въ сообщество съ подобными людьми и притомъ для такого ужаснаго преступленія? Легко допустить, что люди уже опозоренные, безъ семьи и безъ всякихъ средствъ къ жизни, люди живущіе только кражами и разбоями, не задумываются передъ убійствомъ. Но какъ понять, чтобы человѣкъ, до того времени безукоризненный, могъ рѣшиться съ перваго же шага на высшее изъ уголовныхъ преступленій? Да и спрашивается: что могло бы побудить его къ этому? Нужда? Но въ нуждѣ онъ не былъ, такъ какъ онъ самъ и семейство его были достаточно обеспечены. Корыстолюбіе, алчность? Но сумма, которая досталась бы на его долю отъ преступленія, была слишкомъ незначительна въ сравненіи съ его состояніемъ. Вражда къ правительству? Но официальный отзывъ свидѣтельствуетъ, что Лезюркъ былъ патріотъ, глубоко привязанный къ правительству республики.

Но все это только одни предположенія, которыя, можетъ быть, разсыплются въ прахъ передъ тѣмъ знаменательнымъ фактомъ, что свидѣтелями изъ Монжерона и Льерсена Лезюркъ былъ признанъ за одного изъ всадниковъ, проѣзжавшихъ по дорогѣ въ Мелунъ. Эти свидѣтели показываютъ, что они видѣли его, и стоятъ твердо на своихъ показаніяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ повторяютъ то же самое спустя 4 года, въ присутствіи самого Дюбоска.

Въ отъ задача, которую намъ предстоитъ рѣшить.

Достаточно-ли этихъ свидѣтельствъ для разъясненія всего дѣла? Никто не сомнѣвался въ искренности свидѣтелей, но между показаніями ихъ нельзя не замѣтить противорѣчій. Гроссетъ, признавшая Лезюрка, признала и Гено; но Гено, какъ дознано, не былъ въ Монжеронѣ. Сантонъ тоже показала, что она признаетъ Гено

за то лицо, которое шло кофе у Шателень. Въ равной мѣрѣ ошибочны показанія Перо и Шарболта, признавшихъ Гено. Супруги Шампо, признавшіе Лезюрка, въ то же время признали Бернара и Ришара, которые тамъ тоже не были; они признали даже Брюера, который не оставлялъ Парижа, за одного изъ четырехъ всадниковъ, прибывшихъ въ гостинницу. Супруги Альфруа говорили, что тотъ, котораго назвали Лезюркомъ, былъ въ синемъ костюмѣ; Жилле показалъ, что на Лезюркѣ былъ кафтанъ тѣлеснаго цвѣта; изъ словъ Эврара выходитъ, что Лезюркъ долженъ былъ быть одѣтымъ въ сѣрый кафтанъ и что у него темные волоса. Гростетъ и Деляфоли подтверждаютъ, что первый прибылъ Лезюркъ и что они признали его только по цвѣту волосъ. Шампо признали Курриоля за лицо, вернувшееся искать шпагу, которая, по показанію Курриоля, принадлежала Дюбоску. Супруги Альфруа полагали, что именно Курриоль прохаживался по улицѣ въ Льерсенѣ съ Лезюркомъ, а Курриоль показалъ, что съ нимъ былъ Видалъ.

Эти различія показаній не представляютъ ничего особеннаго. Конечно, свидѣтели не могутъ ошибаться, когда говорятъ о тождественности лица, котораго они знаютъ очень хорошо и котораго они видѣли часто. Но другое дѣло, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ, котораго они видѣли только разъ и при такихъ обстоятельствахъ, что у свидѣтелей нѣтъ никакихъ поводовъ удержать въ памяти черты его лица. То же самое можно сказать и въ томъ случаѣ, когда они видѣли нѣсколькихъ незнакомыхъ лицъ за разъ и когда со времени этой встрѣчи до момента, когда у свидѣтелей спрашиваютъ; узнаютъ ли они это лицо?—прошелъ годъ. Можно-ли требовать отъ свидѣтелей, чтобы они припомнили все съ точностью? Такимъ образомъ, на эти показанія свидѣтелей нельзя особенно полагаться. Но повѣримъ имъ. Что вытекаетъ изъ этихъ показаній? Изъ нихъ слѣдуетъ только то, что Лезюрка видѣли то въ Монжеронѣ, то въ Льерсенѣ съ тремя лицами, на которыхъ падаетъ подозрѣніе. Правда, это бросаетъ нѣкоторое подозрѣніе на Лезюрка. Но отсюда, во всякомъ случаѣ, нельзя дѣлать прямое заключеніе о виновности Лезюрка. Очень возможно, что за Льерсеномъ Лезюркъ оставилъ этихъ разбойниковъ. Показанія свидѣтелей ограничиваются лишь утверженіемъ того факта, что Лезюркъ проѣзжалъ по дорогѣ,—не болѣе. Никто изъ свидѣтелей не видѣлъ его на мѣстѣ преступленія; никто не видѣлъ,

онъ въ тотъ вечеръ или отъ какой-либо изъ этихъ личностей.

чтобь онъ возвращался съ убійцами, и само обвиненіе не говорило, чтобы онъ принималъ участіе въ дѣлѣ.

Въ отношеніи другихъ подсудимыхъ, обвиняющіе ихъ факты на столько полнѣе и сильнѣе, что ихъ нельзя даже и сравнивать съ тѣми уликами, которыя представлялись противъ Лезюрка.

Какъ видно изъ дѣла, убѣжденіе обвинительныхъ присяжныхъ, при преданіи Лезюрка суду, основывалось не только на показаніяхъ указанныхъ свидѣтелей, но и въ особенности «на безплодныхъ и обманныхъ усиліяхъ Лезюрка, доказать свое alibi» (отсутствіе во время и въ мѣстѣ совершенія преступленія).

Мы видѣли дѣйствительно, что Лезюркъ выставилъ свидѣтелей въ доказательство того, что 8-го флореаля онъ не былъ на Мелунской дорогѣ. Первый изъ этихъ свидѣтелей—серебряныхъ дѣлъ мастеръ Легранъ говорилъ, что помнитъ присутствіе Лезюрка 8-го флореаля въ Парижѣ, потому что въ этотъ день онъ при немъ, Лезюркъ, продалъ ложку. Когда разсмотрѣна была его торговая книга, то оказалось, что продажа ложки состоялась 9-го числа, а не 8-го, и что цифра 9 была измѣнена на цифру 8. Эта передѣлка была сочтена за подлогъ со стороны свидѣтеля и вслѣдствіе этого фактъ присутствія въ Парижѣ, оправдывающій Лезюрка, былъ отвергнутъ, несмотря на то, что подтверждался другими свидѣтелями. Это обстоятельство и послужило второю уликою виновности Лезюрка.

Положимъ, что Лезюркъ не доказалъ своего присутствія. Но, по основному началу уголовного правосудія, приводимый подсудимымъ какой либо оправдательный фактъ не можетъ быть обращенъ въ обвиняющее доказательство единственно потому, что фактъ этотъ недостаточно имъ доказанъ. Если подсудимый не въ состояніи доказать какой либо оправдательный фактъ, то онъ только не можетъ обращать этотъ фактъ въ свою пользу; но обращать такой фактъ въ обвиняющую противъ него улику, это значило бы нарушать священное право защиты. Итакъ, присутствіе Лезюрка въ Парижѣ 8 флореаля недостаточно доказано. Но можно сильно сомнѣваться, чтобы для доказательства этого факта сдѣланъ былъ подлогъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ допросъ Леграна, когда онъ судился за лжесвидѣтельство по дѣлу Лезюрка.

Вотъ актъ этого допроса:

«Что вы говорили сегодня утромъ въ судѣ?» — Я говорилъ, что вотъ уже два года, какъ я знаю Лезюрка; онъ бывалъ у

меня почти ежедневно. Миѣ припоминается, что 8 флореала Лезюркъ былъ у насъ, потому что въ этотъ день я писалъ счетъ семи парамъ серегъ, которыя были миѣ отданы Альденгофомъ.—«Вы видѣли Лезюрка 8 флореала утромъ или послѣ обѣда?»—Онъ пришелъ ко миѣ утромъ 8 флореала, какъ это видно изъ моей книги.—«Вы увѣрены-ли въ томъ числѣ, какое, вы говорите, показано въ вашей книгѣ? Не передѣлано-ли оно кѣмъ нибудь?»—Нѣтъ, это число вѣрно.—«Если, какъ вы говорите, цифра 8 не передѣлана изъ 9, то какая же изъ этихъ цифръ была написана сначала?»—Если и существуетъ передѣлка, то я о ней положительно не знаю. Книга лежитъ постоянно на конторкѣ и, кромѣ меня и жены, никто не касается книги.—«Не передѣлала-ли цифру ваша жена?» Нѣтъ, жена также не передѣлывала.

19 термидора, то-есть чрезъ три дня послѣ перваго вопроса, Леграну былъ сдѣланъ новый допросъ:

«Вамъ неизвѣстно, кто передѣлалъ цифру?»—Нѣтъ.—«Знали-ли вы объ этой передѣлкѣ, когда были призваны къ свидѣтельству?»—Я не обратилъ на нее вниманія. Замѣтъ я это, навѣрное бы не осмѣлился дать тѣ показанія, которыя далъ въ пользу Лезюрка.—«На чемъ вы основали свое показаніе, что видѣли Лезюрка 8 флореала?»—Я былъ введенъ въ заблужденіе цифрой 8; я помнилъ, что въ тотъ день, когда я продалъ Альденгофу ложку, Лезюркъ обѣдалъ съ Альденгофомъ. Ошибку въ числѣ я узналъ въ самомъ судѣ и тотчасъ же публично исправилъ свои показанія. — «Что могло ввести васъ въ ошибку?»—Положительно не знаю. Не могу придумать, по какому обстоятельству измѣнено число. Знаю только то, что въ тотъ день, когда я продалъ Альденгофу ложку, я видѣлъ Лезюрка, и что Альденгофъ въ тотъ день обѣдалъ у Лезюрка. Я увидѣлъ въ книгѣ, что продажа была 8 флореала и далъ показаніе согласно съ книгою. Потомъ я узналъ, что цифра эта передѣлана. Меня обвиняютъ въ передѣлкѣ, но я не виновенъ ни въ какомъ обманѣ.

Вамъ остается оцѣнить, какъ смотрѣть на дѣло Леграна: слѣдуетъ-ли видѣть здѣсь обманъ или простую ошибку, какъ признано было и судомъ. Во всякомъ случаѣ, было бы странно возводить это обстоятельство въ улику противъ Лезюрка. Но спрашивается, можно-ли дать вѣру показанію Курриоля, что Лезюркъ невиненъ и что онъ только принятъ ошибочно свидѣтелями за Дюбоска, а что настоящіе виновники: онъ, Курриоль, Дюроша, Видалъ, Дю-

боскъ и Русси? Не слѣдуетъ забывать, что это говорилъ, послѣ приговора, тотъ Курриоль, который на судѣ, до самаго приговора, постоянно отрицалъ все. Осужденіе невиннаго Лезюрка до того поразило Курриоля, что онъ тотчасъ же начинаетъ умолять судъ, чтобы онъ оправдалъ Лезюрка и тѣмъ самымъ избавилъ его, Курриоля, отъ новаго убійства ничѣмъ невиннаго человѣка. Мало того: Дюроша, захваченный и признавшій себя виновнымъ, тоже свидѣтельствуетъ, что Лезюрка онъ никогда не зналъ и не видѣлъ, что Лезюркъ не былъ ни въ заговорѣ съ ними, ни при совершеніи преступленія, ни при дѣлежѣ, что Лезюркъ невиненъ, что онъ осужденъ вмѣсто Дюбоска, что преступленіе совершено имъ, Дюроша, Курриолемъ, Видалемъ, Дюбоскомъ и Русси. Давая это показаніе, согласно съ показаніемъ Курриоля, Дюроша, очевидно, не могъ предварительно сговариваться съ нимъ. Можно-ли, наконецъ, сомнѣваться въ невинности Лезюрка послѣ того, какъ свидѣтели: Кошуа, Гулонъ, Перрель и Магдалина Бребанъ показали, что Лезюркъ, принятый ими за Дюбоска, похожъ на послѣдняго; что ошибка ихъ произошла отъ того, что у Лезюрка волосы свѣтлѣе, а на Дюбоскѣ, въ день совершенія преступленія, былъ свѣтлый парикъ, и что всѣ лица, названныя Курриолемъ, были до 8 флореала въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, но Лезюркъ былъ при этомъ совершенно въ сторонѣ!

Всѣ эти показанія дали процессу совершенно новый ходъ. Слѣдствіе пошло путемъ, который указали Курриоль и Дюроша. Начались дѣятельные розыски къ открытію Дюбоска, Видала и Русси. Дюбоскъ задержанъ первымъ. При слѣдствіи Альфруа замѣтила, что Дюбоскъ похожъ на Лезюрка, но что онъ немного меньше ростомъ, не такъ бѣлъ и волосы его немного темнѣе, нежели у Лезюрка. Пьеръ Жилле показаль, что Дюбоскъ выглядит также какъ и Лезюркъ, но что у него другой носъ, волосы темнѣе и ростомъ онъ немного больше. Антонъ Перро показаль, что Дюбоскъ и Лезюркъ крайне похожи другъ на друга, но что есть разница въ цвѣтѣ волосъ и въ чертахъ лица. Шарбольтъ показаль, что Дюбоскъ очень похожъ на Лезюрка, что носъ Дюбоска несовсѣмъ похожъ на носъ того человѣка, котораго онъ замѣтилъ въ Монжеронѣ, и что волосы у Дюбоска не такъ свѣтлы. Мужъ Шампо показаль, что лицо Дюбоска болѣе смугло, а волосы не такъ свѣтлы; фигурой онъ очень схожъ. «Впрочемъ, прибавилъ свидѣтель,

за долгимъ временемъ, я не могу припомнить все какъ слѣдуетъ».

Пренія по дѣлу Дюбоска, вслѣдствіе его побѣга, могли открыться только послѣ его поимки, черезъ четыре года спустя послѣ осужденія Лезюрка, именно 30 флореала IX года. Изъ протокола судебного засѣданія видно, что одни изъ свидѣтелей замѣчали, что хотя въ общемъ Лезюркъ и Дюбоскъ и схожи между собою, но не до такой степени, чтобы это сходство могло ввести ихъ въ ошибку. Гражданка Альфруа заявила, «что она ошиблась и видѣла не Лезюрка, а Дюбоска; что теперь, когда на Дюбоскѣ надѣтъ свѣтлый парикъ, она узнаетъ его очень хорошо. Прежде она не говорила объ этомъ потому, что не смѣла». Согласитесь, что для подобнаго признанія нужно было имѣть достаточно смѣлости: это было опроверженіе прежняго ея показанія, исповѣдь въ томъ, что она дѣйствительно ошиблась и что первое показаніе, которое, по несчастью, послужило основаніемъ къ смертному приговору, было ошибочно. Это новое показаніе можно назвать раскаяніемъ заблуждавшагося свидѣтеля. Тѣмъ свидѣтелямъ, которые подтверждали свои прежнія показанія, было очевидно несравненно легче: имъ не нужно было публично признаваться въ ошибкахъ; они не подвергались никакой отвѣтственности за прежнія показанія. Прибавимъ, наконецъ, вотъ что: со времени перваго процесса прошло четыре года; миниатюрный портретъ Лезюрка, доставленный въ засѣданіе, не былъ, очевидно, достаточенъ для того, чтобы сполна воскресить въ памяти свидѣтелей то лицо, которое они когда-то видѣли. Отсюда очевидно, что когда свидѣтели говорятъ, что оба подсудимые не очень похожи другъ на друга, то это могло произойти вслѣдствіе того, что свидѣтели, вмѣсто того, чтобы обратиться къ своей памяти, смотрятъ на портретъ, который, понятно, не совсѣмъ схожъ съ Дюбоскомъ. Вотъ гдѣ можно отыскивать причину, почему свидѣтели упорно настаивали на своихъ показаніяхъ.

Это упорство шести свидѣтелей не имѣло, впрочемъ, никакого вліянія на присяжныхъ, потому что они признали виновность Дюбоска. Присяжные дали вѣру показаніямъ Шерона и Магдалины Бребанъ и признаніямъ Курриоля и Дюроша. И это вполне правильно. Противъ Дюбоска выставлено было много другихъ уликъ: онъ участвовалъ въ приготовленіи къ преступленію, онъ участвовалъ и въ дѣлѣжѣ. Докладъ Жироде говоритъ, что улики, собранныя на судѣ противъ Дюбоска, выяснили его виновность до очевидности. Признавъ Дюбоска виновнымъ, жюри, стало быть,

дали вѣру словамъ Курріоля и Дюроша; если же признано, что эти показанія вѣрны относительно Дюбоска, то слѣдуетъ признать, что они вѣрны и относительно Лезюрка.

Намъ остается только упомянуть о показаніяхъ Ришара и Русси. Ришаръ, тѣсно связанный съ Курріолемъ и посвященный во всѣ тайны ихъ замысловъ и приготовленій къ преступленію, утверждаетъ, что Лезюрка смѣшиваютъ съ Дюбоскомъ. Наконецъ, онъ признаетъ Дюбоска и свидѣлствуетъ, что дѣйствительные виновники дѣла—Курріоль, Дюроша, Видалъ, Дюбоскъ и Русси. Русси, отрицавшій положительно все во время преній, признаетъ въ день казни свою виновность и вручаетъ своему духовнику письменное заявленіе о невинности Лезюрка.

Никто не станетъ спорить, что нравственныя качества свидѣтеля служатъ однимъ изъ главныхъ основаній довѣрія къ нему. Тѣмъ не менѣе, самый честный свидѣтель все-таки можетъ обмануться. Съ другой стороны, бываютъ случаи, когда и показанія преступниковъ заслуживаютъ полной вѣры. Правда, судъ не всегда можетъ основываться на этихъ показаніяхъ, но законодательства всѣхъ странъ придаютъ огромное значеніе собственному признанію. Здѣсь, главнымъ образомъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть-ли какая выгода давать то или другое показаніе. Коль скоро нѣтъ основаній предполагать, чтобы этими показаніями руководила какая либо выгода или месть, или что нибудь тому подобное, то не слѣдуетъ безусловно отрицать эти показанія, но, напротивъ, нужно стараться разяснить ихъ истину. Спрашивается: на какую выгоду рассчитывалъ Курріоль, какая польза заставила высказаться Дюроша, Ришара и Русси? Высказано было предположеніе о подкупѣ Курріоля Лезюркомъ; высказалось твердое предположеніе, что, заявляя о невинности Лезюрка, Курріоль тѣмъ самымъ хотѣлъ запутать процессъ и, такимъ образомъ, надѣялся отсрочить свою казнь. Но въ дѣлѣ нѣтъ положительно никакихъ указаній, изъ которыхъ можно бы было вывести первое заключеніе; Курріоля, осужденнаго на смертную казнь, не могли прельщать деньги; женатъ онъ не былъ, семейства не имѣлъ и самъ называлъ соучастницею въ преступленіи свою прежнюю любовницу. Что же касается надежды отдалить день казни, то доказано, что Курріоль, даже идя на эшафотъ, не переставалъ громко заявлять о невинности Лезюрка. Относительно Дюроша и Русси трудно предположить, чтобы ихъ показаніями руководила какая либо выгода: Лезюрка уже не

было въ живыхъ, а потому помочь ему они уже не могли. Какая выгода руководила Русси, когда онъ вручалъ духовнику свою исповѣдь? Наконецъ, какой интересъ былъ Ришару говорить въ пользу Лезюрка уже послѣ того, когда его приговорили на 24 года къ заключенію?

Правда, въ признаніяхъ подсудимыхъ находилась нѣкоторая неправда: Курриоль свидѣтельствовалъ о невинности не только Лезюрка, но и Бернара и даже Ришара, а между тѣмъ Бернаръ далъ лошадей и присутствовалъ при дѣлежѣ, а Ришаръ получилъ часть украденныхъ вещей. Но это обстоятельство ничего не значить. Примемъ въ соображеніе, что когда Курриоль говорилъ о невинности Лезюрка, Бернара и Ришара, онъ тѣмъ самымъ хотѣлъ сказать только то, что двое послѣднихъ не принимали участія ни въ убійствѣ, ни въ ограбленіи почты.

Курриоль, далѣе, въ первомъ показаніи сказалъ, что онъ продалъ своимъ соучастникамъ лошадей, на которыхъ они отравились на преступленіе, а изъ показаній Шерона и Дюроша видно, что лошади были добыты отъ Бернара. Но въ то же время слѣдствіе разъясняетъ, что Курриоль далъ Бернару въ займы 40 луддоровъ. Развѣ нельзя допустить, что изъ-за этого долга Бернаръ отдалъ Курриолу или далъ въ пользованіе своихъ лошадей? Изъ того, что лошади стояли въ конюшнѣ Бернара, ничего еще не слѣдуетъ: Курриоль все-таки могъ располагать ими. Бернаръ, Ришаръ и Курриоль, по своимъ занятіямъ, всегда были готовы на покупку, продажу и мѣну всевозможныхъ вещей.

Дюроша отказывался отъ знакомства своего съ Дюбоскомъ, хотя онъ получилъ отъ него нѣсколько денегъ. Но замѣтимъ, что, скрывая истину, Дюроша руководился исключительно личнымъ интересомъ сохранить у себя кое-какія деньги. Въ моментъ совершенія казни выгода эта оказалась ненужною, — и вотъ онъ заявляетъ о томъ, что знаетъ Дюбоска, что Дюбоскъ участвовалъ въ совершеніи убійства, но что Лезюркъ невиновентъ.

Наконецъ, нужно замѣтить, что всѣ эти показанія были приняты самимъ слѣдствіемъ съ полнымъ довѣріемъ. Обвинительные акты противъ Дюбоска, Видаля и Русси основаны на этихъ показаніяхъ. При преніяхъ всѣ эти показанія положительно подтвердились. Какъ же можно допустить, чтобы показанія эти, справедливыя во всѣхъ подробностяхъ, были невѣрны только въ томъ, что касается Лезюрка. Они могли лгать въ томъ, что касается

собственно ихъ,—но они этого не сдѣлали. Зачѣмъ же предполагать, что они лгали о такомъ обстоятельстве, которое ихъ вовсе не касается и не представляло для нихъ никакой личной выгоды!

Вотъ всѣ черты, которыя характеризуютъ вопросъ о виновности Лезюрка. Вамъ остается теперь оцѣнить, насколько приведенные нами факты достаточны для полного доказательства невиновности Лезюрка. Въ дѣлѣ есть, правда, факты, бросающіе тѣнь на Лезюрка. Но нельзя болѣе разъяснить это преступленіе, со времени совершенія котораго прошло уже семьдесятъ два года, когда устные слѣдствія, на которыхъ основывались присяжные, уже не могутъ быть повторены и вамъ остаются только письменные документы, которые не могутъ считаться имѣющими силу полной доказательности.

Перейдемъ теперь ко второму и послѣднему вопросу,—къ вопросу о пересмотрѣ процесса. Дѣйствительно-ли приговоры противъ Лезюрка и Дюбоска противорѣчатъ другъ другу и можетъ-ли имѣть мѣсто отмѣна какого либо изъ этихъ двухъ приговоровъ?

Передъ нами пять рѣшеній: приговоръ отъ 18 термидора IV года, осуждающій Лезюрка, Курриоля и Бернара; приговоръ 17 жермеаля V года, осуждающій Дюроша; приговоръ отъ 26 фруктидора VI года, осуждающій Видаля (Дюжура); приговоръ отъ 1 нивоза IX года противъ Дюбоска, и, наконецъ, приговоръ противъ Русси Берольди отъ 29 плувіоза XI года. Эти пять приговоровъ произнесены по одному и тому же дѣлу. Курриоль, Лезюрекъ и Бернаръ были признаны виновными въ томъ, что они, съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, *участвовали* какъ въ убійствѣ Эскоффона и Одебера, такъ и въ слѣдовавшей затѣмъ кражѣ, совершенной многими людьми, открытой силой и съ оружіемъ, на большой дорогѣ.

Дюроша былъ признанъ виновнымъ въ совершеніи убійства Эскоффона, убійства, съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, а также въ томъ, что присутствовалъ и помогалъ въ убійствѣ Одебера; наконецъ, онъ былъ признанъ участвовавшимъ въ ограбленіи почты.

Видаля и Дюбоска были признаны виновными въ томъ, что они присутствовали и помогали въ совершеніи убійства и въ ограбленіи почты.

Наконецъ, Русси былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и ограбленіи.

Итакъ, вотъ пять лицъ, приговоренныхъ къ смерти за участіе въ преступленіи 8-го флореала IV года. Мы не причисляемъ къ нимъ ни Рипара, ни Барьера, которые были признаны виновными только въ приемѣ покраденаго.

Сколько же подсудимыхъ насчитывало обвиненіе? Вотъ вопросъ, требующій разъясненія. Вопросъ этотъ, какъ мы увидимъ, не представляетъ такой важности, какъ полагалъ докладчикъ государственнаго совѣта, но тѣмъ не менѣе его нельзя оставить вовсе въ сторонѣ.

Мы уже знаемъ, что по протоколамъ слѣдствія насчитывается только пять преступниковъ, именно: четыре всадника, видѣнные на Мелунской дорогѣ 8-го флореала, и пассажиръ, ѣхавшій вмѣстѣ съ курьеромъ. Съ другой стороны, мы также знаемъ показаніе (но замѣйте: единственное показаніе супруговъ Шампо), изъ котораго видно, что послѣ отъѣзда четырехъ всадниковъ, въ Льерсенѣ, въ харчевнѣ были два другіе путешественника. Жена Шампо рассказала, что четыре всадника оставили харчевню въ четверть восьмага, что въ половинѣ девятаго одинъ изъ нихъ воротился, искалъ шпагу и тотчасъ же усакалъ; когда почта вѣхала изъ Льерсена, то (по словамъ Шампо) въ это самое время прибыли два другіхъ путешественника; одинъ въ платьѣ сѣраго цвѣта, на бѣлой куцой лошади, другой на темной и тоже куцой лошади. Они выпили бутылку вина и, между прочимъ, спрашивала ее, Шампо, хороша-ли дорога въ Мелунъ? На это она отвѣчала утвердительно. Спрашивали ее, нѣтъ-ли по дорогѣ лѣсовъ; она дала отрицательный отвѣтъ. Спрашивали какъ вѣхать въ Мелунъ; она отвѣчала, что вѣзжать слѣдуетъ со стороны церкви. Спрашивали, гдѣ находится харчевня Галеръ; она отвѣчала, что она находится налѣво, подъ горой. Наконецъ, спрашивали, въ которомъ часу можно доѣхать до Мелуна; она отвѣчала въ 10 ч. вечера, ибо въ то время было уже половина девятаго.

Это показаніе было дано на другой день послѣ преступленія, т. е. 9 флореала. 25 числа того же мѣсяца самъ Шампо въ такихъ выраженіяхъ давалъ свои показанія передъ слѣдователемъ Добантономъ:

«Въ семь часовъ вечера, немного спустя послѣ отъѣзда четырехъ всадниковъ, прибыли двое другіхъ также верхомъ. Ихъ спросили, не изъ той-ли они компаніи, которая только что уѣхала?»

На это они отвѣчали: нѣтъ, и что они вовсе ее не знаютъ. Эти путешественники оставались не болѣе получаса. У каждаго изъ этихъ шестерыхъ всадниковъ было по два пистолета. Когда двое послѣднихъ оставили харчевню, то одинъ изъ первыхъ четырехъ всадниковъ возвратился отыскивать шпагу. Двое, прибывшіе послѣ отъѣзда четырехъ, спрашивали не слышно-ли чего объ убійствѣ мясника въ Бри, и послѣ замѣчанія, что это очень печальная исторія, они сказали, что мясникъ не убитъ. Онъ, Шампо, на это имъ сказалъ, что мясникъ дѣйствительно не убитъ и убійца задержанъ. При этомъ они, глядя другъ на друга, сказали: «вотъ что!» Наконецъ, 11 пловіоза VI года Жанъ-Шампо такъ повторяетъ свои показанія: «Послѣ отъѣзда четырехъ всадниковъ, къ намъ прибыло двое другихъ, которые также велѣли накормить лошадей, спросили бутылку вина и, между прочимъ, поинтересовались: какъ слышно, много-ли у насъ кражъ и убійствъ? Я ихъ спрашивалъ, не принадлежать-ли они къ компаніи четырехъ, на что они отвѣчали, что нѣтъ. Пробывъ полчасъ, они отправились по дорогѣ въ Мелунъ, распросивъ сначала, какая лучше гостинница въ Мелунѣ; такой же вопросъ былъ предложенъ первыми четырьмя. Двое всадниковъ прибавили: «это хорошо, мы присоединимся къ тѣмъ четверемъ всадникамъ, о которыхъ вы говорили». Онъ, Шампо, не могъ хорошо замѣтить двухъ послѣднихъ всадниковъ, такъ какъ было уже темно. Одинъ изъ первыхъ четырехъ возвратился отыскивать шпагу тотчасъ послѣ отъѣзда двухъ послѣднихъ».

Въ этихъ трехъ показаніяхъ замѣтно нѣкоторое измѣненіе, нѣкоторое противорѣчіе въ особенности относительно часовъ. Слѣдую первому показанію, выходитъ, что два путешественника прибыли въ харчевню уже послѣ того, какъ одинъ изъ четырехъ воротился за шпагой, т. е. послѣ отъѣзда почты, въ половинѣ девятаго, и что эти два путешественника оставались въ харчевнѣ полчасъ. По другимъ показаніямъ, они прибыли около семи часовъ и уѣхали прежде возвращенія за шпагой одного изъ первыхъ. Замѣчаніе о томъ, что у всѣхъ шестерыхъ было по два пистолета, сдѣлано только во второмъ показаніи и замѣчаніе это относительно четырехъ всадниковъ не вѣрно, ибо по суду не было дознано, чтобы при нихъ было огнестрѣльное оружіе. Изъ того, что показаніе объ этихъ двухъ лицахъ стоитъ совершенно отдѣльно и что ихъ, кромѣ Шампо, никто не видалъ, заключали, что весь разеказъ Шампо есть только плодъ воображенія. Но трудно пред-

положить, чтобы показаніе Шампо было выдумано, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего удивительнаго, что на такой многолюдной дорогѣ, какъ дорога въ Мелунъ, путешественники постоянно заѣзжаютъ въ гостиницы; если двухъ послѣднихъ путешественниковъ и дѣйствительно, кромѣ Шампо, никто не видалъ, то въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Допуская, однако, въ показаніяхъ Шампо даже полную истину, изъ нихъ все-таки нельзя вывести что либо болѣе того, что они дѣйствительно говорятъ. Обвинительный актъ отъ 4 мессидора IV года прибавляетъ, что Шампо и его жена въ обвиняемомъ Брюерѣ и Бернарѣ признали именно этихъ двухъ лицъ. Относительно Бернара, это несомнѣнно точно: супруги Шампо показали, что Брюера они признаютъ за одно изъ двухъ проѣзжавшихъ послѣ четырехъ; но въ Бернарѣ они признали одного изъ четырехъ. Оба эти показанія Шампо ошибочны, ибо, съ одной стороны, доказано, что Брюеръ не покидалъ Парижа, а съ другой—что Бернаръ не былъ въ числѣ четверыхъ. Обвинительный актъ 15 плувіоза VI года говоритъ: «долгое время полагали, да и теперь полагаютъ, что убійца было только пять. Нынѣ, по вновь собраннымъ свѣдѣніямъ, можно заключить, что ихъ было семь, потому что свидѣтели говорятъ еще о двухъ другихъ всадникахъ, которые прибыли въ Льерсенъ вечеромъ, остановились тамъ на полчаса, и выѣхали въ Мелунъ, гдѣ они въ гостиницѣ *Галеръ* должны были соединиться съ четырьмя первыми. Они опередили почту не больше какъ на полчаса».

Эти новыя свѣдѣнія ничто иное какъ тѣ же показанія Шампо, данныя въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя мы уже слышали и которыя обвинительный актъ неправильно считаетъ за новыя доказательства.

Это мѣсто обвинительнаго акта послужило поводомъ къ болѣе точнымъ заключеніямъ, выраженнымъ какъ въ отчетѣ г. Жироде, такъ въ трудѣ г. Косюнеля 1866 года и въ отчетѣ государственному совѣту 1822 года. Этотъ послѣдній отчетъ говоритъ: «Въ этомъ дѣлѣ довольно важенъ вопросъ о числѣ преступниковъ; казалось, что была шайка только изъ четырехъ, которые выѣхали на лошадяхъ по утру изъ Парижа, около полудня прибыли въ Монжеронъ, гдѣ они обѣдали и пили кофе. Около трехъ часовъ снова сѣли на лошадей и отправились въ Льерсенъ; здѣсь они остановились».

Соображеніе о соучастіи двухъ послѣднихъ всадниковъ съ че-

тырьмя первыми противорѣчить актамъ дѣла, а эти акты согласны съ признаніемъ виновныхъ и съ значительнымъ количествомъ свидѣтельскихъ показаній, доказывающихъ совершеніе преступленія пятью, а не семью лицами.

Показаніямъ Шампо нѣтъ возможности придать такое значеніе, чтобы признавать семерыхъ виновниковъ преступленія.

Итакъ, по нашему мнѣнію, виновныхъ было только пять чело-вѣкъ. Теперь посмотримъ, чѣмъ объясняется постановленіе приговоровъ по этому дѣлу.

Изъ этихъ семи приговоровъ одинъ данъ противъ Бернара, который признанъ виновнымъ только въ доставленіи лошадей и въ участіи въ дѣлежѣ покраденаго. Затѣмъ, какъ объяснить остальные шесть приговоровъ? О приговорахъ противъ Курриоля, Дюроша, Видаля и Русси не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, слѣдовательно, остаются еще два приговора: противъ Лезюрка и Дюбоска. Совмѣстны ли они?

Постараемся, насколько возможно, разъяснить мотивы и основанія того и другаго:

За что обвиненъ Лезюркъ?

Изъ всѣхъ актовъ дѣла видно, что Лезюркъ признанъ семью свидѣтелями за одного изъ четырехъ всадниковъ, видѣнныхъ 8 флореаля на мелунской дорогѣ; что свидѣтели показали, что одинъ изъ всадниковъ былъ бѣлокурый, съ характеристическими чертами лица Лезюрка; что Лезюркъ признанъ за лицо, прибывшее первымъ въ Монжеронъ, въ гостинницу, гдѣ заказалъ обѣдъ на четверыхъ; что онъ спрашивалъ у Шампо проволоку для поправленія шпоры, а шпоры найдены на мѣстѣ преступленія; что онъ приходилъ за Курриолемъ въ гостинницу вдовы Фелью; что онъ прогуливался передъ домомъ Альфруа, въ Льерсенѣ; что шпага, найденная на мѣстѣ преступленія, принадлежала Лезюрку.

На какихъ основаніяхъ обвиненъ Дюбоскъ?

Мы повторимъ обвинительный актъ, по которому онъ судился въ сенскомъ уголовномъ судѣ:

«Что касается Дюбоска, то дознано, что онъ — одно изъ четырехъ лицъ, которыя 8 флореаля IV года брали лошадей у Бернара; что если онъ не былъ признанъ свидѣтелями изъ Монжерона и Льерсена, то это обстоятельство объясняется, по показаніямъ Курриоля и Дюроша, сходствомъ Лезюрка съ Дюбоскомъ. Изъ этихъ показаній слѣдуетъ, что Дюроша сдѣлалъ фальшивый паспортъ

для Дюбоска; что найденныя шпоры принадлежали Дюбоску; что Дюбоскъ и Курриоль бросились на почтальона и т. д.»

Изъ обвинительнаго акта и изъ свидѣтельскихъ показаній, на которыхъ они основаны, такимъ образомъ, видно:

Что Дюбоскъ есть одинъ изъ четырехъ всадниковъ, видѣнныхъ на мелунской дорогѣ; что въ день убійства на немъ былъ надѣтъ свѣтлый парикъ, цвѣтомъ волосъ похожій на волосы Лезюрка; что Дюбоскъ, какъ видно изъ показаній Курриоля, первый прибылъ въ Монжеронъ и заказалъ обѣдъ; что шпора, найденная на мѣстѣ преступленія, принадлежала Дюбоску; что Дюбоскъ приходилъ за Курриолемъ; что Дюбоскъ прогуливался съ Видалемъ около дома Альфруа; наконецъ, что найденная окравленная шпага принадлежала ему же, Дюбоску.

Итакъ, одни и тѣ же основанія послужили къ обвиненію двухъ лицъ. Мы видимъ, что было четверо всадниковъ; изъ нихъ несомнѣнно признаны трое, то-есть Курриоль, Видалъ и Русси. Четвертымъ можетъ быть или Лезюркъ или Дюбоскъ, но никакъ не оба. Такимъ образомъ, могло быть не шесть, а пять приговоровъ; пятый могъ быть данъ или противъ Лезюрка, или противъ Дюбоска, но вслѣдствіе печальной ошибки они обвинены оба.

Но при этомъ я долженъ обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое обыкновенно упускается изъ виду, но которое, тѣмъ не менѣе, очень важно.

Шесть вердиктовъ формулированы не тождественно между собою. Курриоль и Лезюркъ были признаны участниками въ преступленіи: Дюроша — виновникомъ убійства, Русси — участникомъ въ обоихъ преступленіяхъ. Наконецъ, Видалъ и Дюбоскъ были обвинены за пособничество. Итакъ, что касается въ частности Лезюрка и Дюбоска, то первый обвиненъ въ участіи въ убійствѣ, а второй — за пособничество. Эти приговоры не противорѣчатъ другъ другу по своему содержанию.

Если одно изъ условій пересмотра есть тождественность двухъ приговоровъ, то ясно, что намъ нужно остановиться на различіи, которое мы указали, и опредѣлить согласимость или несогласимость приговоровъ.

Легко видѣть, что оба эти приговора тождественны, что сущность дѣла одна и та же. Это уже созналъ и кассационный судъ въ своемъ приговорѣ 2 іюня 1855 года, признавъ, что пересмотръ можетъ быть допущенъ въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ осуж-

денныхъ былъ приговоренъ за убійство, а другой — за раны и увѣчья, причинившія смерть. Притомъ, чтобъ вполне оцѣнить вердиктъ 1 нѣвоза IX года, нужно перенестись въ ту эпоху, когда судебная практика еще не усвоила себѣ той точности формулированія, какъ впоследствии.»

Фостень Эли такъ закончилъ свой докладъ: «Кассационному суду остается рѣшить, можетъ ли быть допущено возобновленіе дѣла. Нѣкоторыя темныя стороны этого процесса могутъ ли служить тому препятствіемъ? Это препятствіе, встрѣчающееся въ каждомъ дѣлѣ, рѣшаемомъ присяжными, вытекаетъ изъ самаго закона, который допустилъ возобновленіе. Но если судъ будетъ, въ виду его, отвергать просьбы о пересмотрѣ, то законъ отъ 29 іюня 1867 года остался бы мертвой буквой; устанавливая пересмотръ старинныхъ дѣлъ, онъ давалъ бы право, которое осуществить было бы невозможно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ только невозможно устное слѣдствіе. Очевидно, что при подобныхъ пересмотрахъ дѣла необходимо встрѣчается много трудностей. И законъ сознавалъ это, — поэтому то онъ и поручилъ такія дѣла разсмотрѣнію высшаго судилища въ государствѣ. Законъ надѣялся, что этотъ судъ сумѣетъ освѣтить мракъ, такъ сказать, возстановитъ тѣ доказательныя факты, которые въ немъ скрыты.»

Кассационный судъ, безъ сомнѣнія, долженъ поддерживать непоколебимость разъ рѣшеннаго дѣла, ибо неизмѣнность судебного рѣшенія есть одно изъ основъ общества. Но если неизмѣнность эта имѣетъ своимъ основаніемъ общественную пользу, то эта польза нисколько не требуетъ неизмѣнности такого приговора, который признанъ будетъ ошибочнымъ. Въ этомъ случаѣ, на первомъ планѣ долженъ стоять высшій интересъ — интересъ справедливости».

Послѣ доклада началъ свою рѣчь адвокатъ Лезюрковъ *Bozerianz*. Изложивъ подробно фактическую сторону дѣла, онъ затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопросовъ юридическихъ.

«Намъ — сказали онъ — предстоитъ разсмотрѣть: при какихъ условіяхъ возможенъ пересмотръ по закону? Что говоритъ законъ? Какъ понимаетъ юриспруденція 443 ст. код. угол. суд.?»

Статья 443 говоритъ: «Просьба о пересмотрѣ по дѣламъ уголовнымъ и исправительнымъ допускается въ случаяхъ, указанныхъ

ниже»..... И вотъ текстъ втораго изъ этихъ случаевъ: «Когда послѣ обвинительнаго приговора по какому либо преступленію или проступку слѣдуетъ новый приговоръ, которымъ по тому же самому факту будетъ признано виновнымъ другое лицо, и когда несогласность этихъ двухъ приговоровъ будетъ служить доказательствомъ невинности одного изъ осужденныхъ».

Спрашивается: требуетъ-ли законъ отъ приговоровъ тождество въ квалификаціи обвиненія или же требуетъ только единство дѣянія, тождество факта, послужившаго основой приговору. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что вамъ уже не разъ приходилось выяснять, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами «по одному и тому же факту», «по одному и тому же преступленію», «по одному и тому же проступку». Съ словомъ «фактъ» мы встрѣчаемся и въ другихъ статьяхъ код. угол. суд., статьяхъ, которыя были уже часто разъясняемы кассационнымъ судомъ. Такъ напр. въ статьѣ 360 этого кодекса сказано: что «никто не можетъ подвергнуться вторичному преслѣдованію по одному и тому же факту». Какъ вы смотрите на эту статью, когда вамъ приходится примѣнять ее къ дѣлу? Вы объясняете ее, что разница въ квалификаціи не можетъ служить препятствіемъ къ возбужденію преслѣдованія. Спрашивается: отчего же разница въ квалификаціи дѣянія можетъ послужить препятствіемъ къ пересмотру дѣла, хотя приговоры постановлены по одному и тому же факту? Вотъ первое замѣчаніе, на которое я обращаю ваше вниманіе.

Теперь посмотримъ, въ какихъ случаяхъ вы уже примѣняли 443 статью. Я укажу вамъ четыре дѣла, именно: рѣшеніе 20 апрѣля 1842 года (дѣло Лопеца); рѣшеніе отъ 21 апрѣля 1836 г. (дѣло Легра и Клода); рѣшеніе отъ 11 іюля 1844 года (дѣло Гула и Мэра); четвертое дѣло, самое важное и болѣе всѣмъ памятное, это — дѣло Ленъе, рѣшенное кассационнымъ судомъ 2 іюля 1855 года.

Разсмотримъ эти дѣла, чтобы выяснитъ, какихъ принциповъ держится кассационный судъ.

Вотъ рѣшеніе по дѣлу Лопеца: «Принимая во вниманіе, что изъ всѣхъ документовъ дѣла видно, что покушеніе на кражу, послужившее поводомъ къ двумъ уголовнымъ процесамъ, было совершено только четырьмя лицами въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ; принимая во вниманіе, что, несмотря на это, пятеро подсудимыхъ были признаны виновными въ этомъ покушеніи, именно: Лопецъ, Альборасъ,

Саламанка, Верра и Гарсія, откуда слѣдуетъ, что три состоявшіе по сему дѣлу приговора несогласны между собою и служатъ доказательствомъ невинности одного изъ обвиненныхъ» и проч.

Если въ настоящемъ дѣлѣ держаться буквы выраженій двухъ вердиктовъ, то, повидимому, не существуетъ никакой несогласности между ними. Дѣйствительно, первый вердиктъ специфицируетъ число виновныхъ: ихъ четверо и они всѣ вмѣстѣ участвовали въ убійствѣ. Второй вердиктъ обвиняетъ уже другихъ подсудимыхъ въ томъ, что они совершили убійство въ соучастіи съ другими лицами, число которыхъ неопредѣлено. Если бы законъ требовалъ, какъ условіе пересмотра, абсолютную несогласимость даже въ редакціи выраженій приговоровъ или вердиктовъ, то понятно, что въ этомъ случаѣ пересмотръ не могъ бы имѣть мѣста. Но, къ счастью, ваши предшественники обращали не столько вниманія на слова, сколько на самое дѣло. Они разсматривали и обвинительные акты и все, что могло объяснить вопросъ и поставить его въ истинномъ свѣтѣ. Повторяю: если ограничиться одной только буквой обоихъ приговоровъ, то намъ пришлось бы признать, что между ними не существуетъ никакой несогласности. Но кассационный судъ уже не разъ призналъ, что ст. 443 код. угол. суд. нельзя толковать въ такомъ тѣсномъ смыслѣ. Коль скоро голосъ совѣсти указываетъ существованіе судебной ошибки, то было бы безчеловѣчно путемъ формализма избѣгать исправленія этой ошибки. Ваши предшественники не остановились передъ числомъ «четыре»; они перебрали всѣ документы. Это буду дѣлать я и, надѣюсь, это же сдѣлаете и вы. Они провѣряли самые обвинительные акты, — что также дѣлаю я и что будетъ сдѣлано и вами. И вотъ, путемъ такой операціи они находили различіе приговоровъ и назначали пересмотръ дѣла. Надѣюсь, тоже найдете вы по настоящему дѣлу.

Перейдемъ къ дѣлу Легра и Клода. Чтобы избѣжать ошибокъ, ложныхъ выводовъ или неточностей, я прочту вамъ самый текстъ приговора: «Въ дижонскомъ делижансѣ четырьмя пассажирами была совершена кража денегъ. Рѣшеніемъ ассизнаго котдорскаго суда, 20 февраля 1834 года, подсудимые Саблонъ, Бувье и Легра (четвертый виновный не отысканъ) были признаны виновнымъ въ этой кражѣ и приговорены къ каторжной работѣ на 6 лѣтъ. Легра былъ признанъ содержателемъ кареты за того самого изъ четырехъ путешественниковъ, который росписался фамиліей *Мерленъ*. Между тѣмъ, Саблонъ и Бувье утверждали, что Легра вовсе съ ними не

былъ. Позднѣе, нѣкто Клодь-Шарль, по прозванію Мерленъ, былъ признанъ Соблономъ и Бувье за то лицо, которое помогало имъ въ совершеніи кражи. Тотъ же ассизный судъ призналъ его виновнымъ въ этой кражѣ подъ именемъ Мерлена и приговорилъ къ каторжной работѣ срокомъ на 6 лѣтъ. Это послѣднее рѣшеніе состоялось 1 марта 1836 г. Эти два приговора, постановленные противъ Легра, несогласимы между собою, такъ какъ въ дилижансѣ, во время кражи, было подъ именемъ Мерлена только одно лицо, — и если одинъ изъ приговоренныхъ былъ осужденъ, то это доказывало невиновность другаго». Въ силу этихъ обстоятельствъ, генераль-прокуроръ требовалъ кассациіи обоихъ приговоровъ и пересмотра дѣла. Вотъ мотивы кассационнаго приговора: «Принимая во вниманіе ст. 443 код. угол. суд., обвинительный актъ 15 января 1834 года, составленный генераль-прокуроромъ дижонскаго суда»....

Вы видите, что кассационный судъ обращаетъ вниманіе на всѣ акты процесса.

«Принимая во вниманіе обвинительный актъ противъ Клодь-Шарля и приговоръ надъ нимъ отъ 1 марта 1836 года; принимая во вниманіе, что приговоръ противъ Легра отъ 20 февраля 1834 года и приговоръ надъ Шарлемъ (Мерленъ) отъ 1 марта 1836 г. постановлены по одному и тому же факту, что протоколы и обвинительные акты говорятъ только объ одномъ лицѣ съ именемъ Мерлена; принимая во вниманіе, что отсюда слѣдуетъ»....

Откуда слѣдуетъ? — Изъ сравненія всѣхъ актовъ процесса съ вердиктами, а не исключительно изъ сравненія однихъ вердиктовъ между собою.

«Отсюда слѣдуетъ (продолжаетъ кассационный судъ) невозможность обвинить котораго либо изъ двухъ, безъ того, чтобы не признать другаго невиновнымъ; принимая, сверхъ того, во вниманіе, что приговоры эти несогласны между собою»....

Этимъ же путемъ совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ документовъ процесса идетъ кассационный судъ и въ своемъ приговорѣ 1844 г. по дѣлу Гула и Мэра. Вотъ этотъ приговоръ:

«Судъ, принимая во вниманіе, что изъ приговора ассизнаго суда въ Паде-Кале отъ 30 ноября 1842 года видно, что въ ночь съ 16 на 17 августа 1842 года совершена нѣсколькими лицами кража, посредствомъ взлома; что по другому приговору нордскаго ассизнаго суда та же самая кража была совершена только однимъ лицомъ и не со взломомъ, а съ влѣзаніемъ; что посему ошибоч-

ность того или другаго приговора очевидна, — опредѣляетъ возобновленіе дѣла.

Пересмотръ, какъ видимъ, назначенъ. Но отбросьте всё подробности дѣла, остановитесь исключительно на приговорахъ и вы не найдете никакого между ними несогласимаго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ приговоръ осуждаетъ за кражу со взломомъ, совершенную многими лицами, другой — за кражу со влѣзаніемъ, совершенную только однимъ лицомъ. Но путемъ совокупнаго разсмотрѣнія и сравненія всѣхъ моментовъ дѣла, и только этимъ путемъ, можно было придти къ полному убѣжденію, что оба приговора состоялись по одному и тому же дѣлу, хотя и говорятъ о двухъ различно квалифицируемыхъ фактахъ, и что, такимъ образомъ, они противорѣчатъ другъ другу, а слѣд. и возобновленіе дѣла можетъ и должно имѣть мѣсто.

Я перехожу теперь къ самому замѣчательному дѣлу — къ процессу Ленъе. Дѣло это столь для насъ важно, что я считаю нужнымъ разсмотрѣть его подробнѣе. Вы, безъ сомнѣнія, хорошо знакомы съ этимъ дѣломъ и потому я напому вамъ его подробности не болѣе, какъ въ нѣсколькихъ словахъ:

Въ мѣстечкѣ Пети-Массе, Либурнскаго округа, въ отдѣльномъ домикѣ, жилъ дряхлый семидесятилѣтній старикъ Клодъ Ге. Въ ночь съ 15 на 16 ноября 1847 года домъ этотъ загорѣлся. Лица, прибѣжавшія на пожаръ, нашли на мѣстѣ происшествія трупъ Клода Ге. Человѣкъ этотъ былъ убитъ и поджогъ былъ произведенъ съ цѣлью скрыть преступленіе. Подозрѣніе въ этомъ двойномъ преступленіи пало на Жана Франсуа Ленъе, которому было въ то время 25 лѣтъ, и на его отца. Оба они предстали 30 іюня 1848 года передъ ассизнымъ судомъ Жиронды.

Подобно Гено, Ленъе - отецъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, былъ оправданъ; Ленъе - сынъ, какъ и Лезюркъ, имѣлъ несчастье быть осужденнымъ; но, къ счастью его, благодаря уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, онъ не погибъ на эшафотѣ, а былъ сосланъ въ Рошфорскія галеры.

Всѣ, и судьи и присяжные, считали его виновнымъ. Одинъ отецъ былъ убѣжденъ, что онъ невиненъ. И вотъ, послѣ долгихъ усилій онъ добился того, что началось новое слѣдствіе; оно повело къ задержанію двухъ лицъ, на показаніяхъ которыхъ, главнымъ образомъ, опирался приговоръ, осудившій Ленъе - сына. Эти лица были: Луи Денъо и женщина Леспанъ. Мужъ ея также былъ

арестованъ. Денъ и Леспанъ подверглись преслѣдованію за лжесвидѣтельство; а мужъ ея обвинялся въ поджогъ въ видахъ сокрытія слѣдовъ преступленія. 30 декабря 1858 года состоялось опредѣленіе о преданіи ихъ суду. Жирондскій ассизный судъ призналъ Денъ и жену Леспаня виновными въ лжесвидѣтельствѣ; мужъ Леспанъ былъ также осужденъ—и за что? Не за убійство, какъ Ленъе, а за нанесеніе ранъ, причинившихъ смерть, но нанесенныхъ безъ намѣренія убить. По обвиненію въ поджогъ Леспанъ былъ оправданъ. Замѣтите, какая огромная разница: Ленъе осужденъ за убійство и поджогъ, а Леспанъ только за нанесеніе ранъ, причинившихъ смерть, и признанъ невиновнымъ въ поджогъ. Повидимому, это дѣла совершенно разныя. Держись судъ только буквы приговоровъ, признавай онъ теорію согласимости фактовъ при согласимости выраженій въ рѣшеніяхъ,—тогда для несчастнаго Ленъе была бы потеряна всякая надежда на возстановленіе его чести. Къ счастью, министръ юстиціи держался инаго взгляда. Просьба о возобновленіи дѣла дошла до разсмотрѣнія кассационнаго суда. То возраженіе, которое, можетъ быть, сдѣлаютъ мнѣ по дѣлу Лезюрка, было въ виду кассационнаго суда; на него указалъ генераль-прокуроръ *Роше*, который разрѣшилъ его въ смыслѣ благопріятномъ для Ленъе. Онъ сказалъ: «Съ одной стороны, двое свидѣтелей, на показаніяхъ которыхъ было, главнымъ образомъ, основано въ 1848 г. осужденіе Ленъе, сами были признаны виновными въ лжесвидѣтельствѣ. Этотъ поводъ къ пересмотру предусмотрѣнъ 445 ст. код. угол. суд. Съ другой стороны, Ленъе и Леспанъ были осуждены, если и по разнымъ преступленіямъ, то все-таки по одному и тому же факту, вслѣдствіе чего приговоры и несогласимы между собою».

Другими словами, прокуроръ, читая 443 ст., рассуждалъ, очевидно, такъ: статья эта говоритъ не о тождествѣ обвиненій, не о тождествѣ квалификацій преступнаго дѣянія, но о тождествѣ дѣла, т. е. что, отыскивая поводъ къ пересмотру, нужно заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы выяснитъ: по разнымъ-ли дѣламъ состоялись приговоры, или по одному и тому же дѣянію. Хотя преступленія Ленъе и Леспанъ квалифицированы различно въ самыхъ приговорахъ, тѣмъ не менѣе оба они осуждены за одно и то же дѣяніе; приговоръ 1848 г. несогласимъ съ приговоромъ по тому же дѣлу, постановленнымъ въ 1854 г. Этотъ поводъ къ пересмотру указанъ во 2 § 443 ст. код. угол. суд.

Первый изъ этихъ поводовъ вытекаетъ самъ по себѣ изъ приговора 16 марта 1865 г., приговора, которымъ жена Леспанъ и Луи Даньо признаны виновными въ жесвидѣтельствѣ. Это обстоятельство уже само по себѣ достаточно для полной отмѣны приговора отъ 2 іюля 1848 года и для открытія новыхъ преній по обвинительному акту, составленному противъ сына Ленъе. Но приговоръ отъ 16 марта 1855 г. не ограничивается осужденіемъ жены Леспанъ и Луи Даньо за ложныя свидѣтельства и самого Леспаня за подкупъ свидѣтелей; тотъ же приговоръ признаетъ Леспаня виновнымъ въ нанесеніи Клоду Ге ранъ, отъ коихъ послѣдовала смерть, помимо желанія осужденнаго. Вотъ эта послѣдняя часть приговора и стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ приговоромъ 1848 г., признавшимъ Ленъе-сына виновнымъ въ смерти Клода Ге. И дѣйствительно, изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что Леспанъ ненавидѣлъ Ленъе и мстилъ ему; отсюда ясно, что они никакимъ образомъ не могли быть соучастниками въ преступленіи и что виновность одного положительно исключаетъ виновность другаго. Достоверно извѣстно, что Клодъ Ге убитъ однимъ лицомъ, а между тѣмъ за его смерть осуждены двое. Въ этомъ-то и заключается разнорѣчіе въ приговорахъ, это и служитъ обстоятельствомъ, въ силу котораго, по ст. 443, открывается право пересмотра.

Посмотримъ, въ какихъ выраженіяхъ кассационный судъ мотивировалъ свое рѣшеніе о пересмотрѣ этого дѣла. Вотъ этотъ приговоръ:

«Принимая во вниманіе, что приговоромъ 2 іюля 1848 г. Ленъе-сынъ былъ осужденъ за умышленное убійство Клода Ге въ ночь съ 15 на 16 ноября 1846 г.; что другимъ приговоромъ отъ 16 марта 1855 года признано, что Пьеръ Леспанъ въ ту же ночь умышленно нанесъ Клоду Ге раны, отъ которыхъ, противъ намѣренія Леспаня, послѣдовала смерть; что изъ разсмотрѣнныхъ судомъ документовъ вытекаетъ, что приговоры эти противорѣчатъ другъ другу; что оба осужденія постановлены по одному и тому же дѣянію; что изъ слѣдственныхъ документовъ и обвинительныхъ актовъ видно, что между обвиненными не могло существовать никакой связи или соучастія; что посему смерть Клода-Ге не можетъ быть приписана въ одно и то же время Ленъе и Леспаню; что виновность одного вполне исключаетъ виновность другаго; что, такимъ образомъ, въ двухъ обвинительныхъ приговорахъ заключается уже полное доказательство невинности кого-либо изъ

осужденныхъ; что поджогъ дома неразрывно связанъ съ убійствомъ; что эти преступленія совершены одновременно; что изъ дѣла Ленье видно, что убійство предшествовало, сопровождало или слѣдовало за поджогомъ и что это послѣднее преступленіе составляетъ увеличивающее вину обстоятельство, — судъ находить», что возобновленіе должно имѣть мѣсто.

Переходя затѣмъ къ дѣлу Лезюрка, замѣчу, что въ приговорахъ по этому дѣлу, при различіи ихъ выраженій, заключается одно и то же опредѣленіе дѣянія. Если даже предположить противное, то остается еще тождество факта, послужившаго къ обвиненію и бывшаго предметомъ приговора. Мы заранѣе предвидимъ возраженіе, которое намъ могутъ сдѣлать. Намъ скажутъ: откуда видно, что Лезюркъ былъ признанъ не главнымъ виновникомъ, а только сообщникомъ въ преступленіи. Я утверждаю противное и ссылаюсь, въ подтвержденіе моихъ словъ, на вердиктъ и на приговоръ. И тотъ и другой говорятъ, что Лезюркъ *участвовалъ* въ преступленіи 8 флореала. Замѣйте это слово «участвовалъ». Въ IX году Дюбоскъ не былъ признанъ главнымъ виновникомъ; онъ былъ признанъ виновнымъ только въ томъ, что помогалъ главнымъ виновникамъ и присутствовалъ при совершеніи преступленія вмѣстѣ съ ними. Если одинъ былъ главный виновникъ, а другой только пособникъ, тогда, конечно, приговоры не противорѣчатъ другъ другу. Но если Лезюркъ признанъ участвовавшимъ въ преступленіи — слѣдуетъ-ли отсюда, что онъ есть главный виновникъ? Нѣтъ, какъ это прямо видно изъ кодекса, который очень ясно различаетъ соучастіе отъ совиновничества.

Вчера, при самомъ закрытіи засѣданія, мнѣ пришла такая мысль: если въ IV году, по редакціи обвинительнаго акта, Лезюркъ и другіе обвиняемые были дѣйствительно признаваемы главными преступниками въ юридическомъ значеніи этого слова, то какъ слѣдовало поставить вопросъ присяжныхъ? Для разъясненія я обратился къ кодексу IV года, который въ то время дѣйствовалъ. Я прочелъ въ немъ статьи 373 и 374.

Статьи эти, какъ вы увидите, служатъ полнымъ доказательствомъ того, что слово *участіе* (*participation*) мы обязаны принимать въ смыслѣ сообщества вообще. Вотъ что говоритъ этотъ кодексъ:

Статья 373: «Президентъ предлагаетъ всѣ вопросы, подлежащія разрѣшенію присяжныхъ, какіе вытекаютъ какъ изъ обвинительнаго акта, такъ изъ преній».

Статья 374: «Первый вопрос касается того, доказано-ли со-бытіе преступленія, послужившее основаніемъ къ обвиненію; второй вопросъ ставится о томъ, совершилъ-ли обвиняемый это преступленіе или же былъ сообщникомъ». Забудьте это выраженіе.

Въ вердиктѣ IV года не сказано, чтобы Лезюркъ совершилъ преступленіе, не сказано, чтобы онъ былъ сообщникомъ; здѣсь только сказано, что онъ участвовалъ.

Спрашивается: вслѣдствіе чего произошла эта замѣна выраже-ній кодекса другимъ выраженіемъ. Нельзя здѣсь видѣть нарушеніе закона, потому что въ такомъ случаѣ приговоръ былъ бы кассиро-ванъ, между тѣмъ, какъ извѣстно, жалоба Лезюрка оставлена безъ послѣдствій. На это возможенъ только одинъ отвѣтъ. Если составитель обвинительнаго акта не употребилъ законныхъ вы-раженій *совершилъ, сообщество*, — выраженій, которыя могутъ только относиться къ прямому виновнику, или къ одному изъ главныхъ виновниковъ; если онъ поставилъ неопредѣленное, слишкомъ эластичное слово *участвовалъ*, то это сдѣлано потому, что въ IV году не было еще подлинно извѣстно, какую именно роль при совершеніи преступленія игралъ каждый изъ обвиняемыхъ, а также потому, что, употребляя это выраженіе *участвовалъ*, было гораздо легче получить утвердительный вердиктъ, который въ то время казался необходимымъ для удовлетворенія правосудія.

Приговоръ IX года представляетъ еще болѣе запутанности. Ут-верждаютъ, что этотъ приговоръ призналъ Дюбоска *пособникомъ*. Но дѣло въ томъ, что въ вердиктѣ этого выраженія вовсе нѣтъ; вердиктъ говоритъ, что Дюбоскъ *помогалъ и присутствовалъ*. Что же эти выраженія означаютъ? Я понимаю, что если первоначально открыто было участіе Дюбоска только въ приготовленіи къ преступленію или въ дѣйствіяхъ, послѣдующихъ за его совершеніемъ, то онъ былъ только пособникомъ въ смыслѣ 60 ст. угол. код. Но вы, полагаю, не забыли, что Дюбоскъ обвинялся за *содѣй-ствие* не только въ приготовительныхъ къ преступленію дѣй-ствіяхъ, но и въ содѣйствіи одновременномъ съ совершеніемъ пре-ступленія. Что же, спрашивается, въ подобномъ случаѣ могутъ означать выраженія: *помогалъ и присутствовалъ*? Эти выраженія означаютъ участіе въ преступленіи. Такъ говоритъ самъ Фостенъ Эли. Въ своей «Теоріи уголовного права», разсмотрѣвъ различные виды сообщества, онъ прибавляетъ: «Согласно 2-му параграфу 60 статьи, соучастіе состоитъ въ доставленіи орудій и всѣхъ

средствъ и способовъ къ совершенію преступленія, а также въ томъ, что данное лицо помогаетъ виновнику или присутствуетъ».

Очевидна, такимъ образомъ, юридическая тождественность приговоровъ противъ Дюбоска и Лезюрка».

Дальнѣйшая часть рѣчи Бозеріана была посвящена доказательству того, что между приговорами противъ Дюбоска и Лезюрка есть и фактическая тождественность. Если противъ Лезюрка и выставлены были улики, которыя не примѣняются къ Дюбоску, то, во всякомъ случаѣ, онъ осужденъ былъ не на основаніи этихъ уликъ, а на основаніи тѣхъ фактовъ, которые обуславливали ошибку въ личности Лезюрка и смѣшеніи его съ Дюбоскомъ.

«Отсюда вытекаетъ несомнѣнно (говорилъ Бозеріанъ) несогласимость приговоровъ. Эта несогласимость является не только въ томъ случаѣ, если преступниковъ было четверо, но даже и тогда, если бы виновниковъ было болѣе четырехъ». — Для доказательства этого своего положенія, Бозеріанъ указывалъ на показанія, говорящія о двухъ всадникахъ, которые присоединились къ первымъ четыремъ.

«Намъ остается теперь рассмотретьъ послѣдній вопросъ: при несогласимости двухъ приговоровъ, доказывающихъ невинность Дюбоска и Лезюрка, кто изъ нихъ виновенъ?»

Разрѣшеніе этого вопроса намъ нельзя искать въ противорѣчіяхъ свидѣтельскихъ показаній. Одни изъ свидѣтелей ошибаются, другіе не ошибаются, достовѣрность однихъ равна достовѣрности другихъ, и нѣтъ основанія давать однимъ вѣру противъ другихъ. Разрѣшеніе этого вопроса нужно искать въ другихъ актахъ процесса, въ другихъ фактахъ дѣла. Личность Дюбоска и Лезюрка, ихъ жизнь до преступленія, на судѣ и послѣ приговора, дадутъ намъ лучшій отвѣтъ».

Сопоставивъ эти двѣ личности и распространивъ подробно о заявленіяхъ Лезюрка о своей невинности, Бозеріанъ такъ закончилъ свою рѣчь:

«Какой результатъ дадутъ эти пренія? Каково будетъ ваше рѣшеніе?»

Признавъ несогласимость приговоровъ, вы можете признать невинность Дюбоска и виновность Лезюрка.

Но такой приговоръ невѣроятенъ, невозможенъ.

Точно также я не вѣрю въ возможность приговора, который, признавъ невинность Лезюрка, не нашель бы, однако, возможнымъ

опредѣлить пересмотръ дѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что два приговора не безусловно согласимы между собою.

Повторяю: я не допускаю возможность такого приговора, потому что онъ стоялъ бы въ полномъ противорѣчьи съ мыслью закона 1867 г. и съ практикой самаго кассационнаго суда. Прибавлю: я отвергаю возможность такого приговора, потому что онъ подорвалъ бы всякую вѣру въ правосудіе».

Послѣ рѣчи Бозеріана, засѣданіе было отложено до 11 декабря.

Засѣданіе 11 декабря открылось рѣчью *Гуссе*, адвоката за Дюбоска. Мы не будемъ излагать ея содержаніе, такъ какъ она не представляетъ ничего замѣчательнаго: Гуссе видимо доказывалъ невинность Дюбоска только потому, что былъ назначенъ адвокатомъ за Дюбоска.

Въ заключеніе преній далъ свое заключеніе по дѣлу генераль прокуроръ *Деланль*. Вотъ его рѣчь:

§ I.

«Я не буду повторять всѣхъ обстоятельствъ дѣла; мнѣ нѣтъ никакой надобности слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми подробностями, которыя вамъ такъ хорошо извѣстны изъ доклада. Я рассмотрю лишь тѣ акты и обстоятельства, которые имѣютъ прямое отношеніе къ вопросу о пересмотрѣ дѣла.

Въ IV году шестеро обвиняемыхъ: Курриоль, Лезюркъ, Бернарь, Ришаръ, Брюеръ и Гено предстали предъ сенскимъ уголовнымъ судомъ. Курриоль, Лезюркъ и Бернарь были приговорены къ смерти; Ришаръ къ 24 лѣтнему заключенію; Брюеръ и Гено признаны отъ суда свободными. Справедливъ-ли этотъ приговоръ? Съ 1796 года и до настоящаго времени семейство Лезюрка не перестаетъ повторять, что процессъ былъ веденъ не съ тѣмъ спокойствіемъ и достоинствомъ умѣренности, какихъ требуетъ дѣло правосудія; что президентъ суда, ошибочно понимая свои обязанности, былъ пристрастенъ къ Лезюрку, стѣснялъ свободу защиты; что

онъ вліялъ на присяжныхъ и пр. Правда, эти упреки не были теперь высказаны передъ вами, тѣмъ не менѣе на обязанности прокурорскаго надзора лежитъ подробное ихъ разсмотрѣніе.

Можно-ли допустить, чтобы приговоръ могъ послѣдовать единственно вслѣдствіе такихъ нарушеній закона со стороны суда? Можно-ли допустить, что, вопреки всѣмъ требованіямъ нравственности и человѣчности, несчастный обвиняемый встрѣтилъ въ судьѣ врага, что Лезюркъ былъ принесенъ въ жертву тогдашнимъ обстоятельствамъ? Если даже приговоръ IV года и долженъ быть признанъ ошибочнымъ, тѣмъ не менѣе я не могу не сказать, что онъ нисколько не отличается пристрастіемъ; я не могу также не отклонить нареканій, которыя стараются обрушить на президента суда Гоёе.

Вамъ очень хорошо извѣстно, что президентъ Гоёе не принадлежалъ къ числу судей, обязанныхъ своимъ назначеніемъ на должность одному только революціонному движенію 93 года,—къ числу тѣхъ судей, которые не приносили съ собою ни знанія, ни опытности, ни умѣренности. Уже до революціи Гоёе былъ достойнымъ членомъ прокуратуры. Вы помните, какъ въ законодательномъ собраніи онъ, говоря о правѣ исполнительной власти утверждать декреты, относящіяся къ организаціи верховнаго національнаго суда, сказалъ слѣдующія незабвенныя слова: «Въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ ему (законодательному собранію) болѣе чѣмъ гдѣ нибудь нужна большая осторожность; нужно бояться не только того, чтобы преступникъ не ускользнулъ отъ правосудія, но нужно стараться избѣгать и другой, еще большей опасности: чтобы не пострадали невинные»... Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ, одушевленный такими убѣжденіями, представляетъ всѣ гарантіи, какихъ можно требовать отъ предсѣдателя? Но, независимо отъ этого, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить самое дѣло. Изъ актовъ процесса видно, что дѣло разсматривалось непрерывно въ теченіе трехъ сутокъ; что было выслушано 24 свидѣтеля; что защита пользовалась полною свободой; что подсудимымъ были даны всѣ способы къ оправданію.

Что касается присяжныхъ, то лучшимъ доказательствомъ ихъ непристрастія, мудрости, справедливости служитъ самый вердиктъ. Изъ шести обвиняемыхъ, двое были ими оправданы, несмотря на то, что многія улики говорили противъ нихъ. Что касается до обвиненныхъ этимъ вердиктомъ, то несомнѣнно, что Курриоль, Бер-

наръ и Ришаръ дѣйствительно были виновны и виновны, каждый изъ нихъ, именно въ той мѣрѣ, какъ говорить вердиктъ присяжныхъ: сами подсудимые подтвердили это. Спрашивается: почему же Лезюркъ, если онъ былъ невиненъ, не былъ оправданъ вмѣстѣ съ Брюеромъ и Гено? Неужели одинъ этотъ обвинительный вердиктъ произошелъ вслѣдствіе тѣхъ только причинъ, какія приводятъ адвокаты семейства Лезюркъ? Мы не думаемъ этого. Взглянувъ на дѣло безпристрастно, мы должны придти къ тому заключенію, что вердиктъ противъ Лезюрка то же не былъ плодомъ одной только страсти, требовавшей во чтобы то ни стало очистительной жертвы. Въ самомъ дѣлѣ:

Десять свидѣтелей утверждаютъ, что 8 флореаля IV года они видѣли Лезюрка въ Монжеронѣ и Льерсенѣ, въ числѣ всадниковъ, ѣхавшихъ по дорогѣ изъ Парижа въ Мелунъ. Личность этихъ свидѣтелей не позволяетъ подозрѣвать ихъ въ умышенной лжи: съ этой стороны ихъ никто и никогда не заподозрѣвалъ. Положимъ, что можно не довѣрять свидѣтельству этого рода по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыхъ свидѣтели видѣли только мелькомъ. Положимъ, что, на основаніи такихъ показаній, неразумно произносить обвиняющій вердиктъ по такимъ важнымъ преступленіямъ, за которыя слѣдуетъ смертная казнь. Но этими соображеніями и руководствовались жюри, оправдавъ Брюера и Гено. Но положеніе Лезюрка было совершенно иное. Припомнимъ два обстоятельства. Лезюркъ, какъ вы знаете, носилъ серебряныя шпоры. На мѣстѣ преступленія была найдена серебряная шпора; шпора эта была сломана и скрѣплена веревочкою. Сверхъ того, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что онъ самъ далъ эту веревку всаднику, который употребилъ ее въ дѣло, и что всадникъ этотъ Лезюркъ. Можно-ли допустить, чтобы шпора эта попала и осталась на мѣстѣ преступленія, если бы владѣтель этой шпоры не принималъ въ преступленіи никакого участія? Другое обстоятельство. Лезюрка спрашиваютъ, гдѣ и какъ онъ провелъ 8 флореаля IV года? Его спрашиваютъ, былъ ли онъ тогда въ Парижѣ? Лезюркъ отвѣчаетъ, что онъ ничего не помнитъ. Но вотъ проходитъ два дня— и Лезюркъ начинаетъ показывать, что 8 флореаля въ десять часовъ утра онъ былъ у золотыхъ дѣлъ мастера Леграна, покупалъ у него серебряныя вещи и вышелъ оттуда въ 2 часа, а вечеромъ былъ у молодой дѣвушки Клотильды Даржансъ. Если бы эти показанія подтвердились, то, конечно, невинность Лезюрка была бы

несомнѣнна: тогда для всякаго стало бы ясно, что Лезюрка случайно приняли за одного изъ убійць, потому что въ такомъ случаѣ его не могли бы видѣть въ 2 ч. въ Льерсенѣ.

Но справедливы-ли были эти показанія Лезюрка? Леграна призываютъ къ суду, спрашиваютъ, есть-ли у него торговая книга—и когда онъ отвѣчаетъ утвердительно, ему приказываютъ принести ее. Дѣйствительно, покупка, произведенная Лезюркомъ, показана въ книгѣ подь 8-мъ числомъ, но съ перваго же взгляда президентъ суда замѣтилъ подлогъ: продажа была первоначально записана подь 9-мъ числомъ и уже потомъ изъ цифры 9 сдѣлана цифра 8. Спрашиваютъ Леграна, какъ это случилось; Легранъ смущается, мнется—ложь стала очевидной. Леграна арестуютъ и противъ него возбуждается уголовноепреслѣдованіе. Послушаемъ же объясненія Леграна: подробности его допроса вамъ еще неизвѣстны.

Судья спрашиваетъ его, не видѣлся-ли онъ съ кѣмъ нибудь передъ вызовомъ въ судъ? Не говорилъ-ли кто нибудь ему о томъ, зачѣмъ требуютъ его къ допросу? Легранъ отвѣчалъ: «Передъ вызовомъ въ судъ я видѣлъ защитника Лезюрка и защитникъ, осмотрѣвъ мою торговую книгу, сказалъ мнѣ, что, на основаніи ея, я могу говорить, что видѣлъ Лезюрка именно 8 числа». Вотъ дальнѣйшій допросъ Леграна:

«Не знаете-ли вы кто измѣнилъ цифру?»—Нѣтъ.

«Знали ли вы объ этой передѣлкѣ въ то время, когда давали свои показанія?» — Я не обратилъ на это вниманія; если бы я замѣтилъ это раньше, то не осмѣлился бы дать того показанія, какое я далъ.

«На чемъ основывали вы показаніе, что видѣли Лезюрка 8 флореала и что Альденгофъ обѣдалъ съ нимъ въ тотъ день?».—Я былъ введенъ въ ошибку цифрою 8, т. е. числомъ, когда я продалъ Альденгофу ложку, а я помню, что въ день продажи ложки Альденгофъ обѣдалъ съ Лезюркомъ. Въ судѣ я узналъ ошибку и публично сознался въ ней.

«Кто могъ васъ ввести въ эту ошибку?»—Положительно не знаю и не могу придумать какимъ образомъ передѣлана цифра; я знаю и убѣжденъ только въ томъ, что въ день продажи Альденгофу ложки я видѣлъ Лезюрка и что Альденгофъ обѣдалъ съ нимъ. Теперь меня обвиняютъ, но я рѣшительно невиновенъ ни въ чемъ, ни въ какомъ обманѣ. Цифры я не передѣлывалъ—съ мой стороны только простая ошибка.

«Не было-ли свидѣтелей, которые говорили въ защиту Лезюрка, основываясь на вашей книгѣ»?—Я знаю, что Альденгофъ и Геллеръ дали свои показанія, основываясь на моей книгѣ; думаю, что Бодарь основывался на томъ же, но утверждать этого не могу.

Альденгофъ подтвердилъ слова Леграна. Вотъ его показаніе:

«Прежде вызова меня въ судъ по дѣлу Лезюрка, я былъ у гражданина Леграна, который меня спрашивалъ, не могу-ли я припомнить въ какой день былъ у него Лезюркъ. Я отвѣчалъ, что это было въ тотъ самый день, когда я купилъ у него ложку. На это онъ мнѣ сказалъ: «По моей книгѣ это было 8 флореала». Поэтому я и показывалъ, что Лезюркъ былъ у Леграна 8 флореала.»

Таковы показанія Леграна и Альденгофа.

Къ этимъ фактамъ прибавьте свѣдѣнія, собранныя о личности Лезюрка. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что обольщенный выгодами пріобрѣтенія національныхъ имуществъ, онъ растратилъ на эту спекуляцію почти все, что скопилъ въ свою жизнь; въ послѣдніе два года онъ почти бросилъ свою семью, проводилъ время съ актрисами, и т. д.

Прибавьте къ этому, что въ моментъ заарестованія онъ не могъ представить надлежащаго вида: одинъ былъ у него на имя его брата, а другой съ оставленнымъ мѣстомъ для написанія имени. Обстоятельство это важно. Теперь оно не имѣло бы значенія, но для того времени, 1796 годъ, въ эпоху безпорядковъ, когда Парижъ былъ наполненъ злодѣями всякаго рода, оно чрезвычайно важно.

Прибавьте, что со всѣми почти виновниками убійства Лезюркъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ; на четвертый день послѣ убійства, а именно 12 флореала, онъ обѣдалъ съ Курриолемъ у Ришара.

Послѣ всего сказаннаго, нужно-ли объяснять обвинительный вердиктъ жюри противъ Лезюрка какимъ либо пристрастіемъ со стороны президента, невѣжествомъ присяжныхъ, возбужденіемъ общественнаго мнѣнія и пр. и пр.? Очевидно—нѣтъ. Мы думаемъ, что процессъ былъ веденъ съ тѣмъ достоинствомъ, съ тѣмъ спокойствіемъ, какихъ только можно требовать.

§ II.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ, въ краткихъ чертахъ вспо-

нимъ содержаніе дѣла, взглянемъ на факты, бывшіе предметомъ судебныхъ преній, и затѣмъ спросимъ себя: насколько правилень вердиктъ присяжныхъ?

Неподалеку отъ Парижа нѣсколько злодѣевъ совершаютъ ужасное преступленіе. Курьеръ и почтальонъ лонской почты убиты; почта разграблена. По разслѣдованію оказывается, что въ этотъ день, на этомъ почтовомъ трактѣ замѣченны были вооруженные всадники, которые выѣхали изъ Парижа въ ночь передъ преступленіемъ. Успѣшныя розыски полиціи, или просто случай, передаютъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ въ руки правосудія; въ числѣ ихъ былъ и Лезюркъ. Десять свидѣтелей утверждаютъ подъ присягой, что они видѣли его въ Монжеронѣ и въ Льерсенѣ. Честность и правдивость этихъ свидѣтелей стоятъ выше подозрѣнія. Что-же, спрашивается, оставалось дѣлать присяжнымъ при столькихъ показаніяхъ, подерѣпляющихся одно другимъ? Какимъ другимъ путемъ, спрашивается, можно достигнуть полнаго убѣжденія о томъ фактѣ, котораго мы сами не видали? Какихъ большихъ гарантій возможно требовать земному правосудію? Нельзя же было не вѣрить очевидцамъ, которые нисколько не заинтересованы въ дѣлѣ, которыхъ репутація безукоризненна и когда, такимъ образомъ, не было никакихъ основаній подозрѣвать ихъ въ неискренности и во лжи?

Мнѣ скажутъ: но неужели достаточно показаній нѣсколькихъ лицъ для того, чтобы отправить подсудимаго на эшафотъ? Развѣ рѣдко случается, что злые люди стовариваются погубить кого либо, а добрые, хорошіе, честные люди ошибаются? Развѣ не бываетъ нелѣпныхъ, невозможныхъ обвиненій, которыя, однако, опираются на цѣлую массу свидѣтелей? Если бываютъ такіа дѣла, которыя говорятъ сами за себя, для которыхъ даже свидѣтели излишни, за то—съ другой стороны—есть много и такихъ дѣлъ, которыя нельзя не признать невѣроятными, сколько бы ни было свидѣтельствъ, будто такой то фактъ дѣйствительно сдѣланъ.

Все это правда, бываетъ. Я нисколько не обинуюсь допускаю, что если какое нибудь важное обвиненіе падаетъ на гражданина, пользующагося хорошею репутаціею, на гражданина, жизнь котораго ничѣмъ не запятнана, и если на судѣ не представляется противъ него прямыхъ доказательствъ,—тогда одно слово такого подсудимаго достаточно для того, чтобы не повѣрить обвиненію. Я иду еще далѣе. Судъ не долженъ вмѣнять подсудимому въ доказательство

его виновности то, если для своего оправданія подсудимый прибѣгнетъ къ ложнымъ показаніямъ, если онъ дастъ показанія необдуманныя, даже безразсудныя. Даже такіе факты, по моему мнѣнію, не должны предубѣждать судъ противъ подсудимаго. Напротивъ, судъ тогда только выполняетъ свою прямую обязанность, когда подастъ подсудимому руку помощи и наводитъ его на путь спасенія, въ котораго онъ ошибочно старается добиться своего оправданія.

Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на процессъ IV года.

Посмотрите: Гено и Брюеръ пользовались сомнительною репутаціею, но противъ нихъ не было прямыхъ доказательствъ и присяжные оправдали ихъ. Отчего же иная участь постигла Лезюрка? Говорятъ, что онъ пользовался хорошею репутаціею. Говорятъ, что прошедшее его было безупречно и что матеріальное его положеніе не могло подстрекать его на преступленіе. Я охотно допускаю, что нравственныя качества Лезюрка и матеріальное его положеніе были таковы, что устранили бы отъ него всякое подозрѣніе, если бы только не было противъ него такого количества свидѣтельскихъ показаній, сходныхъ до мелочей. Но какой же иной исходъ могъ, однако, имѣть этотъ процессъ? Нельзя же было присяжнымъ забыть эту несчастную шпору. Говорятъ: но въ Курриоль показаль, что шпора эта принадлежала Дюбоску. Да, онъ это говорилъ,—но когда? Развѣ онъ говорилъ объ этомъ обстоятельстве въ то время, когда судился Лезюркъ? Развѣ онъ говорилъ это въ то время, когда жизнь Лезюрка, такъ сказать, вполнѣ зависѣла отъ этого обстоятельства? Нѣтъ, онъ говорилъ это уже послѣ того, какъ приговоръ былъ произнесенъ. До того же времени никто даже не намекалъ о дѣйствительномъ хозяинѣ шпоры.

Лезюркъ, какъ вы знаете, доказываль свое alibi. Но что сказать объ этомъ alibi? Дѣйствительно, показанія его по этому предмету совершенно полны и опредѣленны: утромъ 8 флореала онъ былъ въ Пале-Рояль у Леграна, купилъ у него серебряную вещь, вышелъ отъ него въ 2 часа, а вечеръ провелъ у одной дѣвушки, которую онъ даже указаль. Прекрасно. Но что-же оказалось? Въ книгѣ Леграна цифра 8 передѣлана изъ 9, слѣдовательно, продажа вещи Лезюрку была 9 флореала, а не 8-го. Друзья Лезюрка, выставленные имъ въ подтвержденіе его alibi, показали, что они говорили объ 8 флореалѣ, основываясь на словахъ Леграна. Спросили указанную Лезюркомъ дѣвушку, но она положительно

не могла сказать, когда у нея был Лезюркъ. Извѣстно, что *alibi* одно изъ самыхъ рѣшительныхъ судебныхъ доказательствъ, ибо оно прямо говорить о физической невозможности сдѣлать что нибудь: вы обвиняете меня, положимъ, въ томъ, что я совершилъ убійство въ Страсбургѣ, я же доказываю вамъ, что въ день убійства я былъ въ Бордо. Согласитесь, что это доказательство совершенно уничтожаетъ ваше обвиненіе. Но совершенно другое дѣло, когда подсудимый не только не доказываетъ своего оправдывающаго *alibi*, но когда—напротивъ—еще оказывается обманъ въ представляемыхъ имъ доказательствахъ. Развѣ это не можетъ подѣйствовать на судъ во вредъ подсудимому? Правда, намъ говорятъ, что если подсудимый не можетъ доказать обстоятельства, которое онъ приводитъ въ оправданіе, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оправданіе его было ложно; изъ этого только и слѣдуетъ, что доказательства его недостаточны. Намъ говорятъ, что недоказанныя оправдательныя обстоятельства никакимъ образомъ не могутъ обратиться въ улику противъ подсудимаго: это мнѣніе, говорятъ намъ, раздѣляютъ одинаково и старые и новые криминалисты. На это я скажу, что намъ не зачѣмъ вдаваться въ теорію. Мы здѣсь имѣемъ въ виду вовсе не то, что и какъ думаютъ криминалисты. Мы говоримъ только о томъ, что должны были чувствовать присяжные, видя передъ собою тѣ факты, на которые я сейчасъ обращалъ ваше вниманіе. Намъ нужно только выяснитъ, какъ должно было подѣйствовать на присяжныхъ, что самъ Лезюркъ, когда открылся на судѣ подлогъ въ книгѣ Леграна, началъ просить ихъ, чтобы они не обращали вниманія на книгу Леграна. Повторяю: изъ того, что подсудимый не доказалъ своего *alibi*, конечно нельзя выводить улику, чтобы онъ совершилъ то преступленіе, въ которомъ обвиняется, тѣмъ болѣе, что самыя обыкновенныя и часто случайныя обстоятельства (какъ напр. неявка на судъ одного изъ свидѣтелей, робость другаго и т. п.) могутъ ослабить доказательную силу извѣстнаго факта. Но въ дѣлѣ Лезюрка мы видимъ совершенно другое. Присяжные имѣли полное право заключить, что 8 флореаля Лезюркъ *не* былъ въ Пале-Рояль, что онъ *не* былъ у дѣвушки Даржансъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они не могли не дать вѣры свидѣтелямъ, утверждавшимъ, что они видѣли его въ Монжеронѣ и Льерсенѣ.

Спрашиваю: какіе присяжные поступили бы иначе? Мы полагаемъ, что если Лезюркъ и невиненъ, все таки въ обвинитель-

номъ вердиктъ нужно винить не присяжныхъ, не ихъ пристрастіе или ограниченность; причина здѣсь — единственно безразсудство и обманъ со стороны самого Лезюрка, которые увлекли его въ бездну.

§ III.

Вы знаете, что Лезюркъ, послѣ того какъ данъ былъ приговоръ, громко заявлялъ о своей невинности. Но спросимъ себя: былъ-ли это вопль отчаянія, безнадежности, вырвавшійся изъ души честнаго человѣка, подвергшагося незаслуженному позору, или же это была только новая попытка заставить повѣрить выставленному имъ alibi и поколебать общественное мнѣніе, несомнѣвавшееся въ его виновности?

На другой день послѣ приговора (а не въ тотъ самый день, какъ утверждаютъ друзья Лезюрки), Курриоль, котораго вмѣстѣ съ Лезюркомъ отвели въ тюрьму Консьержерри, далъ слѣдующее показаніе:

«Лезюркъ и Бернаръ невинны въ томъ преступленіи, за которое осуждены на смерть; не виноваты и Ришаръ, приговоренный къ заключенію. Настоящіе виновники—это Дюбоскъ и Видалъ; Магдалина Бребанъ можетъ дать о нихъ свѣдѣнія».

Затѣмъ въ послѣдующемъ показаніи Курриоль изложилъ подробности о своихъ соучастникахъ, о томъ, какъ именно было совершено преступленіе и о дѣлежѣ. Тутъ онъ заявилъ и о томъ, что шпора принадлежала Дюбоску.

Съ одной стороны, такое заявленіе Курриоля могло казаться просто выдумкой. Но съ другой — друзья Лезюрка схватились за это показаніе и, на основаніи его, стали доказывать судебную ошибку. Ошибка, дѣйствительно, могла случиться; отъ нея не гарантировано ни одно дѣло рукъ человѣческихъ. И вотъ, исполнительная директорія предложила, 27 вандемьера V года, совѣту пяти-сотъ разсмотрѣть дѣло. Совѣтъ, несмотря на постановленіе уголовного кодекса о немедленномъ исполненіи приговоровъ, основанныхъ на вердиктѣ присяжныхъ, единогласно постановилъ о пересмотрѣ дѣла въ особой комисіи. Вамъ уже извѣстно, что комисію эту составляли Симеонъ, Трельяръ и Крассу. Смѣло можно сказать, что процессъ Лезюрка попалъ въ руки самыхъ опытныхъ, самыхъ

надежныя. Трудно вообразить себѣ комиссію, которая бы состояла изъ людей болѣе достойныхъ, болѣе свѣдущихъ, болѣе безпристрастныхъ. Изъ отчета этой комиссіи видно, что она съ глубочайшимъ вниманіемъ занялась разсмотрѣніемъ всего того, что могло бросить хотя малѣйшій свѣтъ на невинность Лезюрка. Вы знаете этотъ отчетъ и я не буду повторять его. Скажу только, что комиссія энергически высказалась противъ возобновленія дѣла о Лезюркѣ; мнѣніе ея было принято—и Лезюркъ погибъ на эшафотѣ.

§ IV.

Вамъ хорошо извѣстны событія, слѣдовавшія за казнью Лезюрка: процессъ Дюроша, который заявилъ о невинности Лезюрка, процессъ Видала въ VI году, процессъ Дюбоска въ IX году, и, наконецъ, процессъ Берольди въ XII году. Для насъ особую важность имѣеть процессъ Дюбоска, обвинявшагося Курриолемъ и дѣвицею Бребанъ. Показанія этихъ двухъ лицъ породили въ семействѣ Лезюрка и въ лицахъ судебного вѣдомства надежду, что поймеа Дюзоска разсѣтетъ всѣ сомнѣнія и что, наконецъ, будетъ положительно ибвѣстно, былъ-ли Лезюркъ дѣйствительно виновенъ или же онъ палъ жертвою роковаго сходства съ дѣйствительнымъ виновникомъ преступленія.

Дюбоскъ задержанъ былъ въ первый разъ въ V году; ему дали очную ставку съ свидѣтелями и съ Дюроша, съ тѣмъ самымъ Дюроша, который ѣхалъ съ почтальономъ и нанесъ ему три удара кинжаломъ.

Дюроша, какъ вы знаете, далъ показанія въ пользу Лезюрка и назвалъ Дюбоска, какъ истиннаго виновника. Но дѣло въ томъ, что когда на очной ставкѣ ему представили Дюбоска, онъ заявилъ, что Дюбоскъ не то лицо, о которомъ онъ говорилъ. Вамъ, впрочемъ, извѣстно, что Дюбоскъ подкупилъ Дюроша и потому-то онъ далъ такое показаніе. Въ 11-мъ году Дюбоскъ снова былъ задержанъ. Снова началось слѣдствіе, снова спрошены свидѣтели. Но какъ прежде, такъ и теперь, свидѣтели показываютъ, что Дюбоскъ не то лицо, которое они видѣли на дорогѣ изъ Парижа въ Мелунъ. Прибавьте еще вотъ что: свидѣтели узнають, что они смѣшали Видала съ Гено; они тотчасъ же заявляютъ свою

ошибку. Прибавьте къ этому, что при разбирательствѣ дѣла присутствовалъ Добантонъ, который въ началѣ велъ слѣдствіе Лезюрка и который, считая себя виновнымъ въ осужденіи Лезюрка, считалъ своей священной обязанностью содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, возстановленію памяти покойнаго. Въ процесѣ этомъ дѣйствуетъ семейство Лезюрка чрезъ своего адвоката. Адвокатъ направляетъ пренія по своему желанію, судьи склоняются на исполненіе всѣхъ его заявленій. Но всѣ усилія были напрасны: свидѣтели утверждали, что они не признаютъ Дюбоска. По словамъ Курриоля и Дюроша, Дюбоскъ, чтобы его не признали, былъ при совершеніи преступленія въ свѣтломъ парикѣ. Судь, какъ вы знаете, принялъ всевозможныя мѣры, чтобы свидѣтели могли возстановить въ своей памяти фізіономію человѣка, котораго они видѣли: въ судъ принесли портреты Лезюрка, для Дюбоска заказали свѣтлый парикъ... Но все-таки свидѣтели говорятъ, что они видѣли не Дюбоска, а именно Лезюрка. Одни изъ нихъ замѣчаютъ, что только въ общемъ между Дюбоскомъ и Лезюркомъ есть сходство, и что это сходство вовсе не таково, чтобы могло ввести ихъ въ ошибку.

Разнесся слухъ, который друзья Лезюрка горячо поддерживали, будто когда Лезюрка привели въ тюрьму Бисетръ, то всѣ служащіе тамъ приняли его за Дюбоска, который долгое время сидѣлъ въ этой тюрьмѣ. Служащихъ этихъ призвали въ судъ, но всѣ они единогласно показали, что такой слухъ ни на чемъ не основанъ. Спрашиваю васъ: могло-ли правосудіе сдѣлать, въ интересахъ семейства Лезюрка, что либо болѣе того, что оно сдѣлало? Оставлено-ли безъ вниманія хотя малѣйшее обстоятельство, которое говорило въ пользу Лезюрка.

Посмотримъ теперь, какъ защищался Дюбоскъ.

Онъ охотно призналъ, что былъ воръ (онъ почти хвастался этимъ), но отрицалъ то, что принималъ прямое участіе въ убійствѣ; онъ отрицалъ и показаніе Курриоля о томъ, что убилъ почтальона.

Присяжнымъ IV года были предложены слѣдующіе вопросы: принималъ-ли Лезюркъ прямое участіе въ убійствѣ курьера и почтальона? Участвовалъ-ли онъ непосредственно въ кражѣ? Присяжные отвѣчали на эти вопросы утвердительно. Эти-же вопросы были предложены присяжнымъ и въ IX году. На вопросъ касательно участія въ убійствѣ, они отвѣчали отрицательно, и признали только то, что Дюбоскъ присутствовалъ и помогалъ тѣмъ, которые совершали убійство и кражу.

Во время слѣдствія и суда и послѣ произнесенія приговора, нѣсколько разъ уговаривали Дюбоска, чтобы онъ, если Лезюркъ дѣйствительно невиненъ, заявилъ объ этомъ. Но Дюбоскъ не далъ отвѣта объ этомъ предметѣ.

Въ предшествующемъ засѣданіи вамъ было прочтено письмо какого-то одного парижскаго адвоката о томъ, что въ IX году защитникъ Дюбоска получилъ отъ послѣдняго признаніе, что онъ, Дюбоскъ, убилъ курьера, а Лезюркъ невиненъ. Адвокатъ Дюбоска будто бы обратился къ собранію всѣхъ парижскихъ адвокатовъ за совѣтомъ, какъ поступить ему съ этимъ признаніемъ и не долженъ-ли онъ объявить о немъ суду? Но я спрашиваю васъ—возможно-ли, чтобы какой-нибудь адвокатъ настолько не зналъ своихъ обязанностей, чтобы началъ спрашивать у своихъ сотоварищей, можетъ-ли онъ выдать признаніе, данное ему его кліентомъ, т. е. нарушить коренное начало адвокатуры, нарушить правило такое-же древнее, какъ самое учрежденіе адвокатовъ? Я допускаю, что, получивъ отъ своего кліента подобное признаніе, адвокатъ можетъ отказаться отъ защиты—это его право, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это даже его обязанность. Но созывать сотоварищей и объявлять имъ признаніе кліента, которое можетъ послужить ему во вредъ, сдѣлаться изъ защитника донощикомъ... Господа! я самъ долгое время былъ адвокатомъ и краснѣю отъ одной только мысли, что когда то могъ существовать адвокатъ, который могъ позволить себѣ такую вещь! Замѣтимъ, наконецъ, слѣдующее: изъ всѣхъ актовъ дѣла видно, что Дюбоскъ и умирая сохранилъ свою тайну: она легла съ нимъ въ могилу.

Берольди поступилъ иначе: на всѣ вопросы о Лезюркѣ онъ не давалъ никакого отвѣта. Но когда Берольди погибъ, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ его смерти, одинъ священникъ представилъ нотариусу письмо, писанное Берольди. «Симъ свидѣтельствую, писалъ Берольди), что такъ называемый Лезюркъ невиненъ; но это признаніе, которое я даю моему духовнику, онъ не имѣетъ права объявить раньше шести мѣсяцевъ послѣ моей смерти».

Такъ, несмотря на всѣ усилія и вопреки всѣмъ желаніямъ семейства Лезюрка, кончились всѣ процессы, порожденные кровавою драмою въ Сенарскомъ лѣсу. Въ результатъ мы имѣемъ только нѣкоторыя показанія въ пользу Лезюрка, которыя не лишены, конечно, всякаго значенія, но которыми нельзя дать и полной вѣры.

§ V.

По совѣту Добантона, семейство Лезюрка рѣшилось обратиться къ императору Наполеону.

Кто не знаетъ, какъ внимательно слѣдилъ императоръ Наполеонъ за ходомъ дѣла, въ какія мелочи онъ вникалъ! Но отправленіе правосудія и законодательная дѣятельность обращала на себя особое его вниманіе. Мы не говоримъ о сферѣ дѣла и преступленій политическихъ. Но что до общей юстиціи, то императоръ былъ самымъ строгимъ ревнителемъ правосудія. Его неустанной заботой было, чтобы ни одинъ гражданинъ не потерпѣлъ отъ суда несправедливо, не сдѣлался жертвой судебной ошибки, чтобы каждый гражданинъ получилъ полное возмездіе за сдѣланную ему несправедливость. Въ архивѣ кассационнаго суда находится много документовъ, которые вполне подтверждаютъ это.

Въ 1806 году, въ одинъ изъ кратковременныхъ приѣздовъ императора въ Парижъ, дѣти Лезюрка подали ему просьбу о пересмотрѣ дѣла. Просьба была написана Добантономъ. Всѣ обстоятельства были изложены въ ней коротко, но ясно, ничто не было забыто, что только служило въ пользу Лезюрка. Были приведены показанія Курриоля, Дюроша и Берольди; было указано, что преступниковъ только пять или шесть, а осуждено семеро; что свидѣтели IV года смѣшали Лезюрка съ Дюбоскомъ.

Какъ извѣстно, императоръ читалъ все самъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ непосредственно ознакомился съ этимъ дѣломъ. На просьбѣ онъ сдѣлалъ такую резолюцію: «Передать министру юстиціи для доклада». Министромъ былъ тогда герцогъ *Масса*. Онъ потребовалъ свѣдѣній отъ генераль-прокурора ассизнаго версальскаго суда Жироде, который былъ обвинителемъ по дѣлу Дюбоска. Жироде, совершенно чуждый процессу Лезюрка, очевидно могъ быть совершенно безпристрастнымъ въ исполненіи министерскаго предписанія. Ему слѣдовало рѣшить два вопроса: первый—можетъ-ли быть допущенъ пересмотръ, предполагая, что Лезюркъ невиненъ? второй—доказываетъ-ли дѣло невинность Лезюрка?

По первому вопросу всѣ разсужденія были бы излишни. Пересмотръ, по закону, могъ быть допущенъ въ томъ случаѣ, если бы осужденный былъ живъ. Второй вопросъ Жироде разсмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ. Старательно разсмотрѣвъ всѣ факты дѣла, онъ пришелъ къ тому заключенію, что ни обвинительные ак-

ты, ни самыя слѣдствія не подтверждаютъ жалобы Лезюрковъ; что изъ официальныхъ документовъ видно, что число злодѣевъ, напавшихъ на лѳонскаго курьера, было семь; что если между Лезюркомъ и Дюбоскомъ дѣйствительно существовало сходство, то сходство это не было такого рода, которое бы могло ввести свидѣтелей въ заблужденіе, и что совокупность всѣхъ уликъ, собранныхъ противъ Лезюрка, нисколько не ведетъ къ заключенію о его невинности. Это мнѣніе генераль-прокурора Жироде было повергнуто на разсмотрѣніе императора. Императоръ вполне согласился съ Жироде и 6-го августа 1806 года написалъ на самой просьбѣ, что пересмотръ дѣла не можетъ быть допущенъ.

Наступила реставрація со всѣми ея перемѣнами въ государственномъ устройствѣ и управленіи и въ персоналѣ правительственныхъ лицъ; воскресли надежды семейства Лезюркъ; и вотъ оно снова хлопочетъ о пересмотрѣ. Оно подаетъ просьбы и королю и герцогу Беррійскому и герцогинѣ Ангулемской и въ палаты. Были обстоятельства, подкупавшія въ пользу Лезюрковъ: и страданіе этого семейства, его преданность памяти отца, наконецъ то, что Лезюркъ погибъ во время республики, такъ не нравившейся роялистамъ. Палаты приняли просьбу съ живымъ участіемъ и передали ее министру юстиціи, но министръ де-Серръ все-таки принужденъ былъ дать заключеніе неблагопріятное для просителей.

Несмотря на этотъ новыи отказъ, семейство Лезюркъ снова подаетъ просьбу за просьбой и положеніе дѣла измѣняется. О невинности Лезюрка заговорили громко: въ ней уже не сомнѣвались и сыпались только упреки на правительство за то, что оно не хочетъ тѣмъ или другимъ способомъ сознать судебную ошибку и возстановить честь невинно-казненнаго. Говорили, что правительство не должно оставаться глухимъ къ этому вопіющему дѣлу: если Лезюркъ казненъ невинно, если онъ былъ жертвою судебной ошибки, между тѣмъ законъ не допускаетъ возобновленія въ такомъ дѣлѣ, — то необходимо исправить законъ.

Знаменитый Ватмениль, которому было поручено составить докладъ по этому дѣлу, высказалъ, однако, слѣдующее мнѣніе:

«Полагаютъ, что къ настоящему случаю можетъ быть примѣнена 443 ст. код. угол. суд., такъ какъ приговоры надъ Дюбоскомъ и Лезюркомъ несогласимы между собою. Я этого не нахожу. Лезюркъ могъ быть соучастникомъ Дюбоска; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что убійць было нѣсколько и что число ихъ не опредѣлено съ точно-

стью. Виновость Дюбоска такимъ образомъ не доказываетъ еще собою невинности Лезюрка. Правда, нѣкоторыя обстоятельства позволяютъ предполагать, что Лезюркъ дѣйствительно былъ принять за Дюбоска, но это только предположеніе, а чтобы рѣшить дѣйствительно-ли приговоры прямо противорѣчатъ другъ другу, такого шаткаго основанія, какъ одно предположеніе — недостаточно.

«Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы дѣло Лезюрка могло служить къ этому достаточнымъ поводомъ.

«Что можетъ сдѣлать здѣсь правительство? Обратятся-ли Лезюрки къ милосердію короля? Но король можетъ помиловать, но онъ не можетъ отмѣнить приговоръ: помилованіе не возстановитъ чести Лезюрка и не можетъ быть дано умершимъ. Говорятъ о необходимости измѣнить законъ: но для даннаго случая реформа закона была бы слишкомъ большой уступкой со стороны законодателя.

«Ошибочность приговора IV года ничѣмъ не доказана. Человѣкъ, котораго узнали девять свидѣтелей, который коротко знался съ другими виновниками и который прибѣгъ къ подлогу, чтобы обманомъ доказать свое alibi—такой человѣкъ не можетъ еще быть признанъ невиннымъ только потому, что объ его невинности говорятъ другіе осужденные».

Несмотря на всю силу этихъ доводовъ, министръ Пейроне не остановился на немъ и передалъ дѣло въ соединенный комитетъ законодательства и спорныхъ дѣлъ. Докладчикомъ былъ совѣтникъ государственнаго совѣта и членъ кассационнаго суда Занджіакоми, оставившій по себѣ такую почетную память. Онъ пришелъ къ тому же заключенію, т. е. что, съ одной стороны, ст. 443 не могла имѣть къ данному случаю примѣненія, а съ другой стороны—что невинность Лезюрка не настолько доказана, чтобы при недостаточности существующаго закона о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ нужно было создавать новый законъ.

На основаніи этого доклада и долгаго обсужденія комитетъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, что ст. 444 кодекса судопроизводства положительно не допускаетъ возобновленія дѣла о Лезюркѣ, съ другой — что основанія къ пересмотру, указываемыя просителями, не опираются на достаточныя доказательства, ибо если, съ одной стороны, трое подсудимыхъ и нѣкоторые свидѣтели утверждаютъ, что Лезюркъ невиновенъ и только ошибочно принять за Дюбоска и осужденъ вмѣсто послѣдняго, за то большинство свидѣтелей утверждаютъ совершенно противное. Въ виду того, что, такимъ образомъ, нѣтъ достаточныхъ основаній, ко-

торыя могли бы послужить поводомъ къ пересмотру: опредѣлено оставить просьбу безъ уваженія.

Семейство Лезюрка требуетъ пересмотра. Но развѣ вся эта процедура, которую я изложилъ вамъ, не составляетъ собою настоящаго пересмотра? Развѣ здѣсь не былъ возобновленъ весь процессъ? Развѣ не были переислѣдованы всѣ обстоятельства? Развѣ заключеніе государственнаго совѣта не составляетъ окончательнаго рѣшенія?

Лучшіе умы трудились надъ этимъ дѣломъ и всѣ они приходили къ заключенію, благоприятному для семейства Лезюрка.

Но этимъ еще не кончилось. Какъ вы знаете, имѣнія Лезюрка были конфискованы, что вовсе не допускалось дѣйствовавшимъ въ то время законодательствомъ. Семейство Лезюрка стало требовать возвращенія имъ или самаго имѣнія, или уплаты его стоимости. Вы знаете, что это ихъ домогательство было удовлетворено. Затѣмъ, вы знаете, что съ 1848 года семейство Лезюрка снова начинаетъ ходатайствовать о возобновленіи дѣла. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія былъ составленъ проектъ закона, который уничтожалъ препятствіе къ пересмотру, существовавшее въ кодексѣ. И вотъ, наконецъ, законъ 18 іюня 1867 года далъ возможность семейству Лезюрка обратиться съ своей просьбой къ кассационному суду.

Но остановимся здѣсь на мгновеніе и бросимъ бѣглый взглядъ назадъ именно, перечислимъ тѣхъ лицъ, которыя разсматривали это дѣло.

Лица эти были: во времена республики—Симеонъ и Трельяръ; во времена Имперіи—Жироде, Ренъе-де-Масса и самъ императоръ Наполеонъ I; въ эпоху реставраціи—де-Серръ, Ватимениль и Занджіакоми; во время второй Имперіи—Паръе, Крузель и Шурмъ.

Всѣ эти лица высказались противъ пересмотра. Я знаю, что Дуэ д'Аркъ (въ 1822 году) высказалъ противное мнѣніе. Но не забудемъ, что онъ исходилъ изъ того, что Лезюркъ доказалъ свое *alibi*. Теперь едва-ли кто рѣшится утверждать это.

Послѣ этого отступленія обратимся къ главному вопросу и посмотримъ, насколько оправдаетъ надежды семейства Лезюрка новый законъ? Достигнетъ-ли оно, наконецъ, своей цѣли, послѣ столь долгихъ неудачъ? Что такое пересмотръ? Въ какихъ случаяхъ и подъ какими условіями онъ можетъ быть допущенъ? Согласны-ли съ закономъ основанія, которыя приводитъ семейство Лезюрка? Вотъ вопросы, которые подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

§ VI.

Циперонъ сказалъ, что твердость государства основывается на непоколебимости судебныхъ рѣшеній: «*Status republicae maxime judicatis rebus continetur*», говоритъ онъ. Это правило признаютъ всѣ цивилизованныя народы. Съ другой стороны, эта непоколебимость не можетъ, не должна быть сохраняема за рѣшеніемъ, когда станетъ ясно, что этимъ рѣшеніемъ осужденъ невинный. Кто осмѣлится, изъ-за благоговѣйнаго страха передъ неизмѣнностью рѣшеннаго дѣла, отказывать въ такомъ случаѣ въ пересмотрѣ дѣла, чтобы возстановить напрасно опозоренное имя?! Кто осмѣлится высказать сомнѣніе въ томъ, что возобновленіе дѣла можетъ быть безусловнымъ требованіемъ правосудія?!

До 1789 года приговоръ надъ обвиняемымъ произносился на основаніи письменныхъ актовъ слѣдствія; судъ рѣшалъ дѣло, руководствуясь законной теоріей доказательствъ; института присяжныхъ не было и приговоръ давали одни постоянные, коронныя судьи. Въ то время судебныя ошибки могли случаться часто: имъ нужно было противодѣйствовать разными мѣрами. При тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства новый, лучший пересмотръ дѣла легко могъ дать ему совершенно новый видъ.

Но вотъ, вмѣсто прежняго процесса, покрывавшаго мракомъ и подсудимаго и слѣдствіе и судъ, учреждается новый порядокъ судопроизводства, абсолютная гласность, свобода защиты и разныя другія гарантіи противъ судебныхъ ошибокъ. Начала, на которыхъ дотолѣ была построена повѣрка приговоровъ, очевидно должны были измѣниться. Прежняя система не могла имѣть болѣе мѣста. Законодатель 1789 г. постановилъ основнымъ правиломъ, что вердиктъ присяжныхъ, если только онъ данъ правильно, считается непоколебимымъ и не можетъ быть оспариваемъ ни подсудимымъ, ни обвинительной властью. Законъ 29 сентября 1791 г. сдѣлалъ одно только уклоненіе отъ этого основнаго правила: онъ уполномочилъ судъ, въ случаѣ, если онъ единогласно признаетъ, что присяжные ошибочно признали подсудимаго виновнымъ, назначить новое совѣщаніе, присоединивъ къ составу жюри трехъ новыхъ присяжныхъ.

Это единственное исключеніе.

Это все, что могъ въ этомъ отношеніи сдѣлать законъ, и что болѣе могъ бы онъ сдѣлать, послѣ всего того, чѣмъ онъ гаран-

тировала правильность приговоров? Кромѣ того: на чемъ можетъ основываться обжалованіе вердикта присяжныхъ? Дѣло рѣшается устно. Не только черезъ мѣсяць, черезъ два-три года, но даже въ самый моментъ произнесенія присяжными своего вердикта, какъ узнать, что побудило ихъ дать тотъ или другой отвѣтъ? Законъ не требуетъ отъ нихъ отчета въ томъ, какой фактъ дѣла подѣйствовалъ на ихъ совѣсть, какую силу придали они обвиненію, какъ приняли они оправданіе подсудимаго, какъ на нихъ подѣйствовала его наружность, какой вѣсь придали они показаніямъ свидѣтелей, какое впечатлѣніе свидѣтели произвели своими отвѣтами и пр. и пр. Силу и величіе суда присяжныхъ составляетъ именно ихъ всемогущество,—всемогущество, которое, умѣряемое разумомъ и сознаніемъ общественнаго интереса, даетъ возможность правосудію принаравливаться къ разнообразію всевозможныхъ обстоятельствъ различныхъ дѣлъ, принимать во вниманіе возрастъ, нравственное состояніе, прошедшую жизнь подсудимыхъ, и такимъ образомъ различно обсуживать дѣянія, тождественныя по внѣшности.

Но, преклоняясь предъ всемогуществомъ присяжныхъ и неизмѣнностью ихъ вердиктовъ, мы все-таки помнимъ, что судебныя ошибки возможны. Печальный опытъ указываетъ необходимость того, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта непоколебимость была нарушаема. И вотъ, конвентъ нашелся вынужденнымъ декретомъ 15 мая 1793 года постановить слѣдующее: «Если одинъ подсудимый будетъ осужденъ за извѣстное преступленіе и если за тоже самое преступленіе осужденъ будетъ другой, такъ что два эти приговора будутъ несогласимы между собою, что служить доказательствомъ невинности одного изъ подсудимыхъ, тогда исполненіе обоихъ приговоровъ отсрочивается, хотя бы кассационная жалоба того или другаго подсудимаго осталась безъ послѣдствій».

Разъ давши такое постановленіе, законодательство естественно не могло остановиться на немъ одномъ; дѣйствительно: если несогласимость двухъ приговоровъ была признана поводомъ къ пересмотру, то нельзя было не признать такимъ же поводомъ къ пересмотру и то обстоятельство, когда будетъ кто нибудь осужденъ за убійство такого лица, которое впоследствии оказалось въ живыхъ. Точно также нужно было закону признать за поводъ къ возобновленію дѣла и тотъ случай, когда приговоръ основанъ на ложныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Эти три случая и уста-

новлены въ кодексѣ 1808 г. Но замѣтимъ, что далѣе этого кодекса не идетъ. Онъ строго ограничивается этими случаями пересмотра и во всѣхъ другихъ случаяхъ сохраняетъ за рѣшеннымъ дѣломъ абсолютную непоколебимость.

Неизбѣжнымъ условіемъ пересмотра кодексъ признаетъ, чтобы оба осужденные были въ живыхъ. Условіе это отмѣнено закономъ 29-го іюня 1867 года и вамъ, конечно, извѣстно, что многіе возстаютъ противъ этого нововведенія. Я не стану вдаваться въ разборъ того, справедливо-ли это мнѣніе. Передъ правиломъ, которое стало закономъ, которое является выраженіемъ сознанія общественнаго, нужно преклоняться. Новый законъ исходилъ изъ той мысли, что честь каждаго гражданина и добрая память о немъ составляютъ такое благо, которое, если отнято отъ кого либо несправедливо, должно быть возстановлено или ему самому или его семейству. Осужденіе невиннаго составляетъ такое страшное общественное несчастье, которое не можетъ и не должно оставаться безъ торжественнаго искупленія.

Обратимся же къ тексту этого закона и разъясимъ его смыслъ.

Параграфъ 2 статьи 443 говоритъ: «Пересмотръ допускается въ томъ случаѣ, когда послѣ состоявшагося осужденія по какому либо преступленію или проступку новымъ приговоромъ будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи того же самаго дѣянія другой подсудимый, и несогласимость двухъ приговоровъ будетъ служить доказательствомъ невинности одного изъ осужденныхъ».

Мы видимъ, что существеннымъ условіемъ для пересмотра является то, чтобы два приговора были даны по одному преступному дѣянію, и чтобы несогласимость ихъ отрывалась изъ одного сопоставленія ихъ другъ съ другомъ. Только при этомъ условіи законъ отказываетъ рѣшенному дѣлу въ неизмѣнности и допускаетъ пересмотръ. Что смыслъ этого закона именно таковъ—это несомнѣнно отрывается изъ рѣшеній.»

Приведа кассационные приговоры по дѣламъ Легро, Ленъе, Марша, Делангль продолжалъ: «Вотъ практика кассационнаго суда. Единое преступленіе, единое дѣяніе, которое не можетъ быть произведеніемъ двухъ осужденныхъ—вотъ основы, внѣ которыхъ невозможенъ пересмотръ дѣла.

Но отсюда вытекаютъ и еще два важныя послѣдствія. Первое—если, при сопоставленіи двухъ приговоровъ, оказывается возможность со-

гласить ихъ между собою, то судебная власть обязана сохранить за ними неизмѣнность. Это начало высказано въ приговорахъ 21-го вентоза III-го года и 23-го октября 1812 года.

Второе—что новое разсмотрѣніе дѣла можетъ быть допущено только тогда, когда противорѣчіе очевидно безъ всякихъ преній и разъясненій. Для того, чтобы отмѣнить вошедшій въ законную силу приговоръ, нужно, чтобы несогласимое противорѣчіе приговоровъ бросалось въ глаза съ перваго взгляда и не давало повода ни малѣйшему сомнѣнію. Иначе рѣшеніе должно оставаться неизмѣннымъ.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что законъ 1867 г., уничтоживъ условіе, доселѣ служившее преградой семейству Лезюрка, отмѣнилъ только одно требованіе кодекса, требованіе, чтобы приговоренный находился въ живыхъ. Но затѣмъ, новый законъ нисколько не коснулся остальныхъ условій для возобновленія уголовныхъ дѣлъ.

Заручась этими положеніями мы имѣемъ твердую, надежную опору при разрѣшеніи настоящаго дѣла.

Вопросы, предложенные присяжнымъ 18-го термидора IV года, были слѣдующіе.

«Совершено-ли убійство курьера и почтальона ліонской почты, въ ночь съ 8-го на 9-е флореаля, на дорогѣ изъ Парижа въ Мелунъ?»

«Принималъ-ли участіе въ этомъ убійствѣ Іосифъ Лезюркъ?»
И такъ далѣе.

На всѣ вопросы присяжные отвѣчали утвердительно.

Присяжнымъ IX г. были поставлены такіе же вопросы, именно:

«Совершено-ли убійство курьера и почтальона въ ночь на 9-е флореаля IV года?»

«Быль-ли Дюбоскъ главнымъ виновникомъ въ совершеніи этихъ убійствъ?»

«Не виновенъ-ли онъ въ томъ, что присутствовалъ и помогаль главнымъ виновникамъ преступленія?»

Присяжные отвѣчали, что совершеніе убійства доказано, что Дюбоскъ не былъ главнымъ виновникомъ, но что онъ виновенъ въ томъ, что присутствовалъ и помогаль.

Сопоставимъ эти два приговора. Есть-ли между ними хотя какое нибудь противорѣчіе? Развѣ главный виновникъ и пособникъ въ убійствѣ невозможны? Развѣ оба они не могутъ быть виновны?

Однако, почтенный докладчик склоняется къ тому мнѣнію, что возобновленіе дѣла возможно. На какомъ основаніи? Просмотрите его докладъ и вы увидите, какъ сила логики, присущая его высокому уму, заставляетъ его отвергнуть этотъ свой собственный выводъ. Въ докладѣ его, между прочимъ, сказано: «Приговоры о Дюбоскѣ и Лезюркѣ указываютъ на два вида ихъ виновности. Одинъ признанъ главнымъ виновникомъ, другой только пособникомъ. Очевидно, что оба приговора, по буквѣ ихъ содержанія, согласимы между собою. Если условіемъ пересмотра признать тождество въ квалификаціи дѣянія, то въ данномъ случаѣ возобновленіе дѣла было бы невозможно.»

Нельзя лучше высказать мысль, которую я провожу теперь, что жалоба Лезюрковъ не можетъ быть уважена.

Но г. докладчикъ говоритъ, что изъ отвѣтовъ присяжныхъ нельзя выводить, чтобы Лезюркъ былъ признанъ главнымъ виновникомъ, что неопредѣленный терминъ «участіе» не даетъ на это права.

Съ этимъ мнѣніемъ отнюдь нельзя согласиться.

По законамъ 1791 и IV гг. первый вопросъ долженъ быть предлагаемъ присяжнымъ о томъ, доказанъ-ли фактъ, составляющій предметъ обвиненія; второй вопросъ—о томъ, виновенъ-ли подсудимый въ совершеніи преступленія или въ участіи. Затѣмъ должны идти вопросы о характерѣ дѣянія и пр.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вопросы по дѣлу Лезюрка были поставлены правильно и присяжные, признавъ, что Лезюркъ участвовалъ въ убійствѣ, дали вовсе не неопредѣленный отвѣтъ, какъ полагаетъ г. докладчикъ.

Изъ отвѣтовъ присяжныхъ ясно видно, что Лезюркъ признанъ виновнымъ въ прямомъ и матеріальномъ участіи въ убійствѣ курьера и почтальона. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ выводить, чтобы онъ одинъ нанесъ удары и курьеру и почтальону, отрубилъ голову первому, и руку второму. Онъ наносилъ ихъ вмѣстѣ съ другими, и вотъ это-то и признали жюри, признали такъ опредѣлительно, какъ только возможно. Напротивъ, Дюбоска присяжные признали виновнымъ въ томъ только, что онъ присутствовалъ и помогалъ. Что онъ не принималъ прямого участія въ убійствѣ—это несомнѣнно вытекаетъ изъ вердикта: присяжные отвѣтили отрицательно на первый вопросъ о томъ, совершилъ-ли Дюбоскъ пре-

ступленіе. Оба вердикта какъ нельзя болѣе ясны: Лезюркъ — убійца, Дюбоскъ — пособникъ этого убійства. Передъ этимъ фактомъ должны пасть все соображенія, которыя внушаются прекраснымъ чувствомъ гуманности, но въ которыхъ нѣтъ ничего юридическаго. Г. докладчикъ изъ актовъ дѣло собралъ и сгруппировалъ все доказательство невинности Лезюрка. Онъ сдѣлалъ это такъ, какъ только можетъ сдѣлать человекъ съ его талантомъ и опытностью. Какъ бы мнѣ ни хотѣлось, но я не могу идти за нимъ по этому пути. Я не считаю себя на это вправѣ потому, что для пересмотра необходимо несогласное противорѣчіе приговоровъ, въ силу котораго семейство Лезюрка и добивается возобновленія дѣла.

Но мы доказали математически, что этого противорѣчія нѣтъ. А затѣмъ мнѣ нѣтъ надобности разбирать доводы относительно числа убійцъ, насчетъ сходства Лезюрка съ Дюбоскомъ, и вообще разбирать значеніе тѣхъ показаній, которымъ приписываютъ такое огромное значеніе, какъ доказывающихъ невинность.

Въ обществѣ распространено такое мнѣніе: если изъ совокупности обстоятельствъ дѣла открывается, что Лезюркъ дѣйствительно невиненъ и что онъ поплатился жизнью лишь вслѣдствіе сходства съ дѣйствительнымъ убійцею, то хотя бы, съ точки зрѣнія строго юридической, пересмотръ дѣла и не можетъ быть допущенъ — возобновленіе дѣла должно имѣть мѣсто. Сущность дѣла здѣсь должна стать на первомъ планѣ и внутренняя справедливость должна взять верхъ надъ юридическимъ формализмомъ. Законъ 1867 г., какъ извѣстно, былъ предложенъ и вотированъ именно въ виду дѣла Лезюрка.

Этотъ взглядъ, конечно, имѣетъ своимъ источникомъ благородныя чувства. Но кассационный судъ не вправѣ увлекаться этимъ потокомъ общественнаго мнѣнія, этимъ движеніемъ благороднаго, но ошибочнаго чувства. Кассационный судъ поставленъ хранителемъ закона и долженъ заботиться о строгомъ его примѣненіи. Только въ неуклонномъ исполненіи этого своего назначенія онъ почерпаетъ свою честь, достоинство и силу. Чтобы было, если бы судъ, увлекаясь состраданіемъ къ несчастнымъ, перешелъ предѣлы закона и, вмѣсто своего прямого назначенія противодействовать произволу, самъ бы подалъ этому примѣръ? *Omnia mala exempla ex bonis initiis orta.* И чѣмъ далѣе мы идемъ по ложной дорогѣ,

СПбГУ

00083227

ЮФ СПбГУ

✓